

«...cum parenti debotio numinis videretur inpendi,
tertia vero sede ad super mare Ponticum iam
humaniores et, ut superius diximus, prudentiores
effecti, divisi per familias populi, Vesegothae
familiae Balthorum, Ostrogothae praeclaris
Amalis serviebant...»

Jordan

Wissenschaftliches Forschungslaboratorium
der Germanisch-Slawische archäologische Expedition
der Charkower Nationalen V.-N.-Karazin-Universität

Ostrogothica-Serie (Hefte)

*Materialien der Seminaren zur Vorgeschichte der Römischen
Kaiserzeit und Anfang der Völkerwanderungszeit von Osteuropa*

**VORGESCHICHTE VON OSTEUROPA IN DER SPÄTEN RÖMISCHEN
KAISERZEIT UND DER VÖLKERWANDERUNGSZEIT**

(Materialien des Feldseminariums bei Dorf Wojtenki 2009, 2010)

Heft 1

***Herausgeber
K. Myzgin***

Научно-исследовательская лаборатория
Германо-Славянской археологической экспедиции
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Östrogothica-Serie (Hefte)

*Материалы семинаров по доистории позднеримского времени
и начала эпохи Великого переселения народов Восточной Европы*

**ДОИСТОРИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ – НАЧАЛА ЭПОХИ
ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ**

(материалы полевых семинаров у с. Войтенки 2009, 2010 гг.)

Выпуск 1

***Ответственный редактор
К. Мызгин***

Харьков – 2011

УДК 903'1(4-11)"652"
ББК 63.4
Д 62

Рецензент:

Б. В. Магомедов – докт. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института археологии НАН Украины.

Ответственный за выпуск

С. И. Посохов – докт. ист. наук, проф., зав. кафедрой историографии, источниковедения и археологии, декан исторического факультета ХНУ имени В. Н. Каразина.

*Утверждено к печати решением Ученого совета исторического факультета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № 6 от 17 июня 2011 г.)*

Д 62 **Доистория** Восточной Европы позднеримского времени – начала эпохи Великого переселения народов (материалы полевых семинаров у с. Войтенки 2009, 2010 гг.): Östrogothica-Serie (Hefte). – Вып. 1. – X. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2011. – 76 **ISBN 978-966-623-784-5**

Сборник содержит материалы полевых семинаров, проведенных в 2009 и 2010 гг. на базе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина возле с. Войтенки (Харьковская область, Валковский район). Тезисы докладов ученых из Украины, России, Германии и США посвящены проблемам доистории Восточной Европы в позднеримское время и в начале эпохи Великого переселения народов, а также включают в себя междисциплинарные доклады: археология и почвоведение, геомагнитная съемка при исследовании памятников черняховской культуры.

Для специалистов, студентов и всех интересующихся археологией.

**УДК 903'1(4-11)"652"
ББК 63.4**

ISBN 978-966-623-784-5

© Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина, 2011
© Авторы статей, 2011
© НИЛ ГСАЭ ХНУ имени В. Н. Каразина, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

INHALT

Предисловие	9
<i>Vorwort</i>	11
 ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ И ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ	
<i>PROBLEME DES STUDIUMS DER DENKMÄLER DER SPÄTEN RÖMISCHEN KAISERZEIT UND ČERNJACHOV-KULTUR</i>	
Акимов Д. В. К вопросу об автохтонном населении территории Верхнего Подонья в эпоху Великого переселения народов <i>Akimov D. V. Zur Frage über autochtone Bevölkerung im Hoch-Don Gebiet in der Völkerwanderungszeit</i>	13
Гопкало О. В. К вопросу о социальном статусе погребенных с оружием, снаряжением всадника, конской упряжкой в ареале черняховской культуры <i>Gopkalo O. V. Zur Frage des sozialen Status der Gräber mit dem Waffen, der Reiter- und Pferdegerüstung in dem Areal der Černjachov-Kultu</i>	16
Любичев М. В. Некоторые итоги и основные проблемы исследо- вания памятников позднеримского времени – начала эпохи Великого переселения народов в днепро-донецкой лесостепи <i>Ljubicev M. V. Einige Ergebnisse und Hauptprobleme der Untersuchung der Denkmäler der Späten Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit in der Dnepr-Donetz Waldsteppe</i>	23
Мызгин К. В. Итоги исследований памятника позднеримского времени возле с. Огульцы <i>Myzgin K. V. Ergebnisse der Untersuchung der Denkmäler der Späten Römischen Kaiserzeit bei Dorf Ogulzy</i>	27

Радюш О. А. Северо-восточная граница черняховской культуры по данным полевых исследований 2005-2010 гг. <i>Radjusch O. A. Nord-östliche Grenze der Černjachov-Kultur nach Angaben der Felduntersuchungen 2005-2010</i>	31
Строценъ Б. С. Слов'яно-германське порубіжжя на Західному Поділлі <i>Strozen B. S. Slawisch-germanisches Grenzgebiet in West-Podolje</i>	34
Тиліщак В. С. «Ритуальний майдан» Чернелево-руського могиль- ника та питання «могильних кругів» на некрополях черняхівської культури <i>Tylischcak W. S. «Ritueller Platz» des Černeliv-Ruskij Gräberfelds und die Frage der «Gräberkreise» in den Gräb erfeldern der Černjachov- Kultur</i>	37

АНТИЧНЫЙ МИР И БАРБАРИКУМ

ANTIKE WELT UND BARBARICUM

Вахонеев В. В. Некоторые аспекты топографии Мирмекия в I-III вв. н.э. <i>Wachoneev V. V. Einige Aspekte der Topographie von Mirmecium 1.-3. Jhs. n. Chr</i>	40
Зиньковская И. В. Античные и сарматские погребения с выемча- тыми эмалями Юго-Восточной Европы <i>Zinkovskaja I. W. Antike und sarmatische Gräber mit den Emailen im Süd-Ost Europa</i>	44
Крапивина В. В. Ольвия и черняховская культура <i>Krapivina V. V. Olbia und Černjachov-Kultur</i>	49

ДОИСТОРИЯ И ПОЧВОВЕДЕНИЕ

VORGESCHICHTE UND BODENKUNDE

Чендев Ю. Г. Естественная и антропогенная эволюция серых лесных почв на территории лесостепи центра Восточной Европы <i>Čendev J. G. Natürliche und antropogene Evolution der grauen Waldböden in der Waldsteppe des Zentrums von Osteuropa</i>	53
--	----

Faflak R. XRF Sediment Analysis at Voytenki Archaeological Site, Ukraine.....	57
--	----

**ГЕОМАГНИТНАЯ СЪЕМКА В ИССЛЕДОВАНИИ
ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ –
ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ**

**GEOMAGNETISCHE PROSPEKTION BEI DER UNTERSUCHUNG DER
DENKMÄLER DER SPÄTEN RÖMISCHEN KAISERZEIT UND
VÖLKERWANDERUNGSZEIT**

Бондарь К. М. Современные магнитные исследования археологических памятников в Украине <i>Bondar K. M. Moderne magnetische Untersuchungen der archäologischen Denkmäler in der Ukraine.....</i>	60
Диденко С. В., Виршило И. В. Использование металлодетектора в археологических исследованиях – некоторые проблемы и пути их решения (на примере исследований многослойного поселения Малополовецкое 2-А) <i>Didenko S. W., Virschylo I. W. Ausnutzung des Metalldetektors in den archäologischen Untersuchungen – einige Probleme und Wege ihrer Entscheidung (am Beispiel der vielschichtigen Siedlung Malopolovezkoje 2-A) .....</i>	62
Шульц Э., Любичев М., Мызгин К. Геомагнитная съемка участков поселения поздне римского времени Войтенки I и её апробация археологическими исследованиями 2005-2009 гг. <i>Schultze E., Ljubicev M., Myzgin K. Geomagnetische Prospektion der Bereiche der Siedlung Vojtenki und ihre Aprobation der archäologischen Untersuchungen 2005-2009.....</i>	66
Бондарь К. М., Соловьев Н. А., Диденко С. В. Магнитная съемка поселения поздне римского времени Войтенки в 2010 г. <i>Bondar K. M., Solovjow N. A., Didenko S. W. Magnetische Prospektion der Siedlung Vojtenki der Späten Römischen Kaiserzeit in 2010.....</i>	69
Список сокращений.....	72
Список об авторах.....	73

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из археологических эпох, памятники которой распространены в лесостепи между Днпром и Северским Донцом, является поздне римское время. По облику материальной культуры с ней тесно связан ранний период эпохи Великого переселения народов. История исследования памятников этих эпох насчитывает более ста лет и берет начало с раскопок поздне сарматских подкурганных погребений в Харьковской губернии в начале XX в. На всем ее протяжении исследование памятников этих эпох в регионе – это прежде всего изучение поселений и могильников черняховской культуры. За последние сорок лет к ним прибавились предшествующие и синхронные поселения с преобладанием лепной керамики – памятники типа Букреевка-Каменево, во многом имеющие облик киевской культуры.

С 1999 г. целенаправленным изучением памятников этих эпох в восточной части региона, в области днепро-донецкого водораздела занимается Германно-Славянская археологическая экспедиция Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (*Ostrogotica*, 2009, С. 10-17). К десятилетию экспедиции 25-27 сентября 2009 г. на её базе возле села Войтенки был проведен полевой семинар «Археология римского времени и эпохи Великого переселения народов Центральной и Восточной Европы», в котором приняли участие специалисты из Украины, России, Германии.

В блоке, посвященном проблемам изучения памятников поздне римского времени, черняховской культуры, прозвучали доклады В. С. Тилищака, Ю. Ю. Башкатова, А. С. Милашевского (Институт археологии НАН Украины, Киев), О. А. Радюша (Институт археологии РАН, Москва), К. В. Мызгина, М. В. Любичева (Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Харьков), Г. В. Бейдина (Харьков).

В блоке, посвященном древностям эпохи Великого переселения народов, были заслушаны доклады Д. В. Акимова (Воронежский государственный университет), Т. Р. Миляна («Охранная археоло-

гическая служба» ИА НАНУ, Львов) О. В. Коваленко (Полтавский педагогический университет имени В. Г. Короленко) и Р. С. Лугового (Полтавский краеведческий музей), В. Е. Родинковой (Институт археологии РАН, Москва), А. М. Воронцова и М. А. Воронцовой (музей-заповедник «Куликово поле», Тула).

Проблемам контактов античной цивилизации и Барбарикума были посвящены выступления В. В. Крапивиной, В. В. Вахонеева (Институт археологии НАН Украины, Киев), И. В. Зиньковской (Воронежский государственный университет).

Отдельным блоком прозвучали доклады, посвященные теме «Археология и почвоведение», в рамках которой выступили Р. Фафлак (США, ОАЭ, Университет Аль-Амина) и Ю. Г. Чендев (Белгородский государственный университет, Россия). В дискуссиях приняли участие Я. Бемманн (Институт доисторической археологии, Рейнский университет имени Фридриха-Вильгельма, Бонн), М. Хегевиш (Институт доисторической археологии, Свободный университет, Берлин), Э. Шультце (Евроазиатский отдел Германского археологического института, Берлин), Б. С. Строцень («Охранная археологическая служба» ИА НАНУ, Тернополь), О. В. Петраускас (Институт археологии НАН Украины, Киев), Р. Г. Шишкин (Национальный педагогический университет имени Н. П. Драгоманова, Киев).

19-20 сентября 2010 г. в рамках «Vorgeschichte-Seminarium» при Научно-исследовательской лаборатории экспедиции на базе экспедиции был проведен полевой семинар «Геомагнитная съемка при исследовании памятников черняховской культуры», участники которого не только прослушали доклады К. М. Бондарь, С. В. Диденко, К. В. Мызгина, но и приняли участие в геомагнитной съемке участка «Б» поселения Войтенки I, произведенной киевской группой геофизиков и археологов во главе с К. М. Бондарь.

Идею издания тезисов этих двух полевых семинаров поддержал декан исторического факультета С. И. Посохов. Их материалы несомненно представляют интерес не только для тех, кто занимается доисторией Центральной и Восточной Европы позднеримского времени – эпохи Великого переселения народов, античной археологией, но и специалистов, работающих над повышением уровня полевых археологических исследований на междисциплинарном уровне.

VORWORT

Die späte Römische Kaiserzeit und die frühe Stufe der Völkerwanderungszeit sind zwei engverbundene vorgeschichtliche Abschnitte in den Denkmälern in der Waldsteppe zwischen Dnepr und Sewerskij Donjetz. Die Geschichte der Untersuchung dieser Denkmäler zählt mehr als hundert Jahre und beginnt mit den Ausgrabungen der spätsarmatischen Hügelgräber Anfang des 20. Jhs. im Charkower Gouvernement. Während dieser Zeit wurden grösstenteils die Gräberfelder und Siedlungen der Černjachov-Kultur erforscht. Nur in den letzten ungefähr vierziger Jahren wurden auch die Siedlungen anderer Kulturtradition der vorigen und synchronen Zeit mit der überwiegenden freihandgemachten Keramik (Typ Bukreewka-Kamenewo) untersucht.

Seit 1999 erforscht die Germanisch-Slawische archäologische Expedition der Charkower Nationalen V.-N.-Karazin-Universität zeilustrebig die Denkmäler dieser Zeit in dem östlichen Teil dieses Territoriums, im Gebiet der Dnepr-Donetz Wasserscheide (Ostrogotica, 2009, S. 10-17). Zum zehnjährigen Jubiläum der Expedition war am 25.-27. September 2009 das Feldseminar «Archäologie des Zentral- und Osteuropas in der Späten Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit» an der Station der Expedition beim Dorf Vojtenki organisiert worden. An diesem Seminar haben die Gelehrten aus der Ukraine, Russland, Deutschland teilgenommen.

Zur Thematik der Untersuchung der Denkmäler der Späten Römischen Kaiserzeit und der Černjachov-Kultur gehören die Vorträge von W. Tyliščák, J. Baschkatov, A. Milaschewskij (Institut für Archäologie der Nationalen Akademie der Wissenschaften, Kiew), O. Radjusch (Institut für Archäologie der Russischen Akademie der Wissenschaften, Moskau), M. Ljubičev, K. Myzgin (Charkower Nationale V.-N.-Karazin-Universität), G. Bejdin (Charkow).

Zur Thematik des Altertums der Völkerwanderungszeit gehören die Vorträge von D. Akimov (Voronež-Staatliche-Universität), T. Miljan (archäologische Denkmalpflege, Institut für Archäologie der NAW, Lviv-Abteilung), O. Kovalenko (Pädagogische W.-Korolenko-Universität, Poltawa), V. Rodinkova (Institut für Archäologie der Russischen Akademie der

Wissenschaften, Moskau), A. Voronzow und M. Voronzowa (Naturschutzpark-Muzeum «Kulikovo Pole», Tula).

Den Probleme der Kontakte der antiken Welt und Barbarikum wurden die Vorträge von W. Krapivina, W. Wachoneew (Institut für Archäologie der Nationalen Akademie der Wissenschaften, Kiew), I.Zinkowskaja (Staatliche-Universität, Woronež) gewidmet.

Im Rahmen der Probleme «Archäologie und Bodenkunde» wurden die Vorträge von R. Faflak (UAE, Al-Amine-Universität) und J. Čendew (Belgorod-Staatliche-Universität) gehalten. An der Diskussion haben J. Bemmann (Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelm-Universität, Bonn), M. Hegewisch (Institut für Praehistorische Archäologie, Freie Universität, Berlin), B. Strozen (archäologische Denkmalpflege des Instituts für Archäologie, Ternopol), O. Petrauskas (Institut für Archäologie der Nationalen Akademie der Wissenschaften, Kiew), R. Šiškin (Nationale Pädagogische N.-Dragomanov-Universität, Kiew) teilgenommen.

Am 19.-20. September 2010 an der Station der Expedition bei Vojtenki im Rahmen «Vorgeschichte-Seminarium» be dem Wissenschaftlichen-Forschungslaboratorium der Expedition wurde ein Feldseminar «Geomagnetische Prospektion in der Untersuchung in den Denkmälern der Černjachov-Kultur» durchgeführt. Die Teilnehmer haben die Vorträge von K. Bondar (Nationale T.-Schewtschenko-Universität, Kiew), S. Didenko (Nationales Museum für Geschichte der Ukraine, Kiew), K. Myzgin (Charkower Nationale V.-N.-Karazin-Universität) gehört und die geomagnetische Prospektion unter der Leitung von K. Bondar an dem Bereich «B» der Siedlung Vojtenki I gesehen.

Dekan der Fakultät für Geschichte der Charkower Nationalen V.-N.-Karazin-Universität S. Posochov unterstützt die Idee, die Materialien dieser zwei Feldseminaren zu veröffentlichen. Für diese Materialien interessieren sich nicht nur Historiker für Vorgeschichte und Archäologen, die diese Zeit studieren, sondern auch die Fachleute, die die interdisziplinäre Untersuchungen entwickeln.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ И ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

PROBLEME DES STUDIUMS DER DENKMÄLER DER SPÄTEN RÖMISCHEN KAISERZEIT UND ČERNJACHOV-KULTUR

Д. В. Акимов

К вопросу об автохтонном населении территории Верхнего Подоалья в эпоху Великого переселения народов

Территория бассейна верхнего течения р. Дон была привлекательна для ее освоения людьми на протяжении множества эпох, начиная с каменного века. На рубеже древности и средневековья она пережила несколько волн миграций. Однако одной из дискуссионных проблем верхнедонской археологии эпохи Великого переселения народов остается вопрос об участии в этнокультурных процессах в регионе в это время автохтонного населения.

На излете раннего железного века междуречье Дона и Воронежа от устья последнего и вплоть до границы с лесной зоной находилось под влиянием племен, оставивших памятники позднесарматского облика. Это курганные могильники типа Ново-Никольского и Вязовского, в которых хоронили представителей господствующего в крае этноса. Погребальный инвентарь является ярким свидетельством его воинской всаднической культуры и, вероятно, кочевого образа жизни, а этнографический облик близок сарматскому [Медведев, 2008, С. 102-103]. Другие памятники – типа Ишутинского городища – имеют бытовой характер и оставлены, видимо, зависимым местным населением, проживавшим в этих краях еще с досарматских времен. Оба племенных конгломерата тесно взаимодействовали между собой, их отношения не сводились исключительно

к господству-подчинению, фиксируются хозяйственные, бытовые, а также и семейно-брачные контакты.

Тем не менее, к середине III в. н.э. верхнедонские могильники прекращают функционировать, номады покидают регион [Медведев, 2008, С. 110]. Для понимания рассматриваемой нами темы остается актуальным вопрос о судьбе местного оседлого населения после ухода кочевников.

Некоторые исследователи полагают, что после середины III в. территория бассейна верхнего течения р. Дон запустевает [Обломский, 2007, С. 87]. Другие же, к которым относит себя и автор этих строк, считают, что оседлое местное население остается в регионе и позже, хотя, вероятно, и несколько поредевает.

Тому есть ряд доказательств. Остановимся на некоторых из них. Во-первых, это хроноиндикаторы. В частности, на городище Иштутино известна находка фрагмента бронзового зеркала с центральной петлей и рельефным орнаментом на обороте [Разуваев, 1998, С. 85, Рис. 3: 7]. Такие изделия не встречались в позднесарматских погребениях на Верхнем Дону. Известно, что они получают широкое распространение в алано-сарматской среде не ранее середины III в. н.э. [Скрипкин, 1984, С. 48; Абрамова, 1997, С. 118-119]. Неоднократно подобные вещи встречались среди древностей гуннского времени: на поселениях типа Чертовичского-Замятино и в погребениях типа Животинного. Однако на Иштутинском городище соответствующих культурных слоев обнаружено не было.

Кроме того, на поселении Замятино 5 найден обломок фибулы-сюльгамы, относящейся к кругу эмалей [Острая Лука Дона, 2004, Рис. 112: 3]. Аналогичные изделия бытовали не ранее конца III-IV в. [Гороховский, 1982, Рис. 6; Обломский, Терпиловский, 2007, С. 118], что для слоя гуннского времени слишком рано, а верхняя хронологическая граница существования предшествующего поселения таким образом «омолаживается» минимум на полвека.

Интересные для нашего исследования результаты дает картографирование ареалов распространения различных типов древностей на Верхнем Дону накануне и в эпоху Великого переселения народов, на которые я уже обращал внимание в одной из недавних работ [Акимов, 2008]. Так, основной массив памятников сарматского времени сосредоточен в междуречье Дона и Воронежа [Медведев, 2008, Рис. 53]. Кроме этого, небольшие их группы зафиксированы в бассейне правого донского притока – р. Красивая Меча, а также между устьями ее и р. Вязовки (современный г. Данков). Главный же конгломерат древностей круга Каширки – Седелок сосредоточен в правобережье Дона, преимуще-

ственно в бассейне его правых притоков Красивой Мечи и Быстрой Сосны [Обломский, 2007, Рис. 1]. При этом добавлю, что ландшафты в донском лесостепном правобережье и междуречье Дона и Воронежа весьма схожи и существенно изменяются только к востоку от р. Воронеж.

Судя по распространению материалов типа Каширки-Седелок, мигранты, их оставившие, были весьма многочисленны. Что же помешало тогда им освоить и разветвленную речную систему доно-воронежского междуречья? На мой взгляд, именно потомки местных племен стали этим препятствием. Единичные памятники пришельцев на левом берегу Дона [Обломский, 2007, Рис. 1] только подтверждают эту мысль – освоение планировалось, но не состоялось. Что же до частичного совпадения обоих ареалов распространения на Красивой Мече, то здесь ныне датированные и, очевидно, синхронные позднему слою Иштутино селища у сс. Каширка и Писарево расположены не только в двух десятках километров южнее, но и в принципиально иных ландшафтных условиях. Иштутинское городище занимает высокий (до 35 м) мыс главной реки бассейна, а поселки круга Каширки-Седелок – склоны оврагов и террасы ее малых притоков и ручьев.

Эпизоды истории и выяснение характера взаимоотношений местного и пришлого населения территории бассейна Верхнего Дона в начале эпохи Великих переселений – дело будущих исследований.

Литература

- Абрамова М. П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э. Москва.
- Акимов Д. В., 2008. Опыт реконструкции этно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов на Верхнем Дону // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. Москва.
- Гороховский Е. Л., 1982. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виімчастою емаллю // Археологія. № 38. Київ.
- Медведев А. П., 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. Москва.
- Обломский А. М., 2007. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Москва.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). Москва.
- Острая Лука Дона в древности, 2004. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Москва.
- Разуваев Ю. Д., 1998. Иштутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Воронеж.
- Скрипкин А. С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.

О. В. Гопкало

К вопросу о социальном статусе погребенных с оружием, снаряжением всадника, конской упряжью в ареале черняховской культуры

Тема, заявленная в названии, входит небольшой составной частью в обширное исследование социальной структуры черняховской культуры.

1. Попытки определения социального статуса и рода занятий носителей черняховской культуры проводились ранее неоднократно. В конце 1970-х-1980-е гг., благодаря исследованиям в области реконструкции древних обществ на основе анализа погребального обряда и инвентаря, проблема социальной стратификации ее носителей была перенесена на новую методическую основу. В частности, проведение социологического анализа погребенных по обряду труположений с северной ориентацией [Кравченко, 1987] позволило выделить три археолого-социологических типа погребений (далее АСТ), для чего критерием послужили количественные характеристики одной из групп погребального инвентаря – сосудов-«приношений». Из группы погребений с «приношениями», составляющей 53 % из общей выборки ингумаций с северной ориентацией, были выделены типы погребений, содержащие 1-2 сосуда (первый АСТ), 3-6 сосудов (второй АСТ), 7-9 сосудов (третий АСТ) и, наконец, от 9 до 16 сосудов-«приношений» (подтип «а» третьего АСТ). Наличие трех АСТ погребений в группе «с приношениями» объяснялось социальной дифференциацией черняховской общины, погребения без таковых интерпретировались как погребения ее неравноправных членов или рабов.

Исследование погребений восточногерманской, в том числе черняховской, знати проводилось Ф. Бирбрауэром. В качестве эталонных рассматривались «княжеские» могилы типа Лейна-Хасслебен. Исследователем были названы признаки погребального обряда, актуальные для выделения черняховских погребений особ высшего социального слоя: 1) обширная погребальная камера, 2) игровая доска; 3) Trinkservice,

где в большинстве случаев бронзовый сосуд замещен керамическим; 4) роскошные шпоры; 5) парча; 6) обувные пряжки; 7) портупейные ремни; 8) мясная пища. К категории 1а и 1б причислены мужские погребения: Рудка, Переяслав-Хмельницкий 5, Гавриловка 5, Мэлэешть 35. Кроме того, особо отмечены погребения в деревянных камерах: Черняхов 147, 146 и Дэнчень 169, 224.

К категории 1а, вероятно, могут быть отнесены мужские могилы с серебряными деталями убора и местным «набором для питья» и женские – с серебряными деталями убора (Косаново 37¹, 38, Маслово 71), золотыми украшениями (Рыжевка 43, Дэнчень 64, 79, 279), фибулами «чудовищной» серии А VII (Тодирень, Василикэ, Будешть, Дэнчень, Ханска, Городница).

Кроме того, указывалось, что могилы знати располагались на общих участках могильников, а не обособленно [Bierbrauer, 1989, S. 70-75].

Среди признаков погребений восточногерманской знати кроме престижных вещей (золотых украшений, бронзовой посуды) Ф. Бирбрауэр отмечает крупный размер могильной ямы.

Именно этот признак был взят за основу при выделении черняховской знати в работах Б. В. Магомедова [1997; 2001, С. 31-33]. Погребения в ямах неординарных размеров (Черняхов 146, 147, Дэнчень 169, 224, Будешть 243, Могиляны-Хмельник 5, Маслово 71, Фурмановка 8, Гавриловка 5, Оселивка 58, Курники 4, 14, 19, Холмское 23, Переяслав-Хмельницкий 2, 4, 5, Бырлад-Валя Сякэ 507; Холмское 56, Коблево 19, Ранжевое 12, 14, Мэлэешть 10, Каменка-Анчекрак 10), по интерпретации Б. В. Магомедова, принадлежали общинным старейшинам – нижнему звену племенной структуры власти.

Таким образом, благодаря анализу погребального обряда и инвентаря специалистам удалось выделить погребения рабов, общинников разного достатка, в том числе – общинных старейшин.

Упомянутые разработки представляют безусловный интерес, но сравнительно недавно стали доступны новые археологические материалы, результаты исторических исследований, которые позволяют уточнить и детализировать имеющиеся выводы относительно социальной структуры населения юга Восточной Европы в позднеримский период и начале эпохи Великого переселения народов.

2. Ниже я хотела бы остановиться на проверке одной из гипотез, высказанных известным австрийским историком Х. Вольфрамом [2003, С. 61-170].

¹ Нумерация по публикации Н. М. Кравченко.

Так, социальная структура готов в Скифии рассматривается им в двух аспектах «горизонтальном», который может быть условно назван «территориально-административным» и «вертикальным», отражающем собственно социальную организацию.

Письменная традиция различает готов к востоку и западу от Днестра – потомков Амалов и Балтов. И восточное, и западное население было связано не столько общим происхождением, сколько политическим единством – это были племенные союзы, включавшие представителей различных народов (см. перечень народов, покоренных Германарихом, а также указание на существование тервингско-тайфальского союза). Территория тервингов, в частности, была поделена на отдельные области – так называемые куни, которые объединяли население общее по происхождению, а также связанное отношениями господства-подчинения. Предполагается, что сильные тервингские группировки присутствовали в Верхней Бессарабии, Молдове, Валахии, Трансильванской Дакии. Удастся локализовать некоторые из них: в бассейне р. Бузуу в Мунтении (Атарид), в Молдове (по обоим берегам Прута) (Атанарих) и молдовско-мунтенском пограничье (Фритигерн). Кроме того, упоминалось племя, которым правил Вингурих, и, очевидно, смежное с ним, унаследованное Аримиром [Вольфрам, 2003, С. 143, 144].

Во главе таких политических единиц – племенных союзов – стояли правители, опиравшиеся на военную дружину. Дружинники набирались как из свободных, так и из зависимых людей. Каждое куни имело собственное святилище и жрецов.

Есть основания предполагать, что верховная власть передавалась по наследству, но руководящую роль осуществляли «старейшие», обладавшие богатством, мудростью, знатностью – носители племенных традиций. Причем, «готская знать не представляла собой однородную, замкнутую верхушечную группу, тем более сословие». Античные авторы различают «королей и предводителей». Тон в куни задавала королевская семья, но без признаков монархической власти. При этом, существовали «многообразные градации» групп знати [Вольфрам, 2003, С. 142, 143].

Данная работа, учитывая ее небольшой объем, рассмотрит вопрос о составе дружины и социальном статусе ее членов. Тезис о неоднородности дружины, о том, что дружинники набирались из числа свободных и зависимых людей может быть обоснован дополнительно. Это потребует выяснения социального статуса погребенных с оружием, снаряжением всадника и конской упряжью. В качестве основного источника привлекается каталог находок оружия в ареале черняховской культуры [Магомедов, Левада, 1996; Левада, 1998], дополненный комплексами,

опубликованными после выхода в свет указанных Сводов (Бырлад-Вале Сякэ 543, Горошевцы 4, 11, Одая 4, 23, Слобозия-Кишкэренъ 20, Чернелив-Русский 265²) или такими, которые по каким-то причинам в них не вошли (Балцата II 14, Кантемировка к. 3, Ружичанка 11, Тыргу-Муреш IX, XI, XIV).

Из 44 погребений с предметами вооружения, снаряжения всадника и конской упряжью, учтенных в данной работе, насчитывается 23 ингумации (21 ТПС и 2 ТПЗ), 15 кремаций (7 урновых, 8 ямных), для 5 погребений нет полной информации.

Раннее черняховское погребение с подвеской из ауреуса Марции Отациллы Северы (244-249 гг.), тремя фибулами, тремя пряжками, стеклянным кубком из «набора для питья», представительным керамическим сервизом и серебряными наконечниками стрел происходит из Чернеливо-Русского могильника (265). Оно интерпретировано автором раскопок как «княжеское» [Герета, 2004]. Судя по расположению этой могилы и некоторых примыкающих к ней (264, 261), представителей общинной знати хоронили отдельно от рядовых общинников, возможно, даже в подкурганых захоронениях. «Бедное» погребение этой поры – Ружичанка 11, мужское, по определению автора раскопок, ритуально разрушенное, сопровождалось металлическими ключами, ручкой щита (?), фрагментами стеклянного кубка. К этому же хронологическому периоду примыкает погребение из Косаново 45 (42-1962) с трофейным псалием эпохи Скифских войн и фрагментом серебряной фибулы.

Наиболее представительное погребение всадника следующего хронологического периода – погребение в Рудке. Оно сопровождалось серебряной фибулой, бронзовым котелком и стеклянным кубком, составляющими основной «набор для питья», десятью керамическими сосудами, среди которых лепной кувшин и гончарный кубок, дополняющие Trinkservice; парой серебряных шпор, стеклянными жетонами, серебряным ножом, найденным среди костей свиньи.

подавляющее большинство воинских погребений совершены не ранее второй трети 4 в.³, т.е. после подписания договора о федеративности, а некоторые (Беленькое 50, Горошевцы 4, Кантемировка к. 3) уже в гуннское время.

В могилы готских воинов оружие не клали. Точнее, табу распространялось на все виды вооружения, кроме стрел. Из снаряжения всадника предметом престижа, как отмечалось выше, являлись роскошные шпоры. Наконечник стрелы и шпора входили в инвентарь погребения 5

² В Чернеливо-Русском найдены серебряные наконечники стрел, которые не могли иметь практического значения, а выступали, очевидно, символом оружия в погребальном инвентаре.

³ Дискуссионна дата погребения Петроаселе 10, предложенная М. Е. Левадой.

в Переяславе-Хмельницком, которое во многом послужило эталоном черняховских погребений высокого ранга.

Предметы вооружения встречаются в инвентаре могил иноплеменников, которых хоронили с соблюдением специфического обряда [Левада, 1998, С. 58]. Их социальный статус сильно варьировался. Многие погребения включали только личные вещи, бытовые предметы и оружие (Компанийцы 86, Беленькое 179, Тыргу Муреш IX, XI, Будешть 196, Беленькое 50). Так, например, погребение 179 могильника Беленькое совершено в узкой грунтовой яме, тогда как большинство могил кладбища – подбой и катакомбы⁴.

Среднее положение занимает погребение в Холмском 23, в инвентарь которого входили 5 сосудов-«приношений» и Тыргу Муреш XIV с серебряной ременной пряжкой. Особое место занимает кремация Оселивка 70 в двух урнах, сопровождавшаяся фрагментами 12 сосудов.

Отчетливая стратификация наблюдается и среди погребений с типичным черняховским инвентарем. На одном полюсе оказались погребения, которые включали только личные вещи (Тыргшор 205, Балцата II 14, Великая Бугаевка 18). На другом – богатые могилы (Переяслав-Хмельницкий 5, Одая 23, Барча 120, Бырлад-Валя Сякэ 543, Слобозия-Кишкэрень 20, Горошевцы 4, Кантемировка к. 3). Среднее положение заняли могилы (Одая 4, Оселивка 51), сопровождавшиеся сосудами-«приношениями», в том числе керамическими «наборами для питья» и мясной пищей. И, наконец, особо следует отметить детское погребение Горошевцы 11 с наконечником стрелы и сосудами-«приношениями».

Остановимся детальнее на богатых погребениях. Все они северной ориентации.

Неоднократно упомянутое погребение 5 из Переяслава-Хмельницкого устроено в яме с уступом вдоль северной и западной стенок, размерами 1,45 x 2,6 x 3,6 м⁵, сопровождалось серебряной и фрагментом бронзовой фибул, роговым гребнем, обрывком парчи, 5 сосудами-«приношениями», стеклянным кубком, игровой доской с бронзовыми скобами, серебряной дужкой-замочком и набором стеклянных жетонов (22 экз.),

⁴ Использование грунтовых ям на позднескифских могильниках Крыма объясняется социальными причинами. Так хоронили представителей низшего слоя общества [Мульд, 1996, С. 287].

⁵ В разных источниках приводятся различные данные. В отчете В. К. Гончарова за 1952 г. приведены такие данные. На глубине 3,5 м от современной поверхности, где выявлено погребение, яма имела размеры 2,2 x 0,9 м, причем, с севера и запада к ней примыкала площадка шириной 0,4 м [Гончаров, 1952, С. 14]. В публикации указаны глубина погребальной ямы – 3,6 м, размеры 2,2 x 0,9 м, причем с севера и запада имелись площадки шириной 0,4 м западная и 0,55 м северная [Гончаров, Махно, 1957, С. 133]. В статье Ф. Бирбрауэра – глубина 3,6 м, размеры 2,8 x 1,4 м [Bierbrauer, 1989, S. 72].

бронзовой шпорой, железным наконечником стрелы, железным ножом, остатками мясной пищи.

В устройство могилы Одая 23, размерами 2,88 x 2,56 x 2,5 м, входили деревянные плахи, опиравшиеся на деревянные столбы (след от одного из них обнаружен в непотревоженной грабителями части могилы), по-видимому, от помоста или перекрытия; в инвентарь – стеклянный кубок, более 10 сосудов-«приношений», в том числе кувшин и кубок, пара серебряных шпор, мясная пища.

Погребение 543 из Бырлад-Валя Сякэ, в яме с уступом-ступенькой вдоль западной стенки, размерами 3,10 x 2,30 x 2,90 м – одно из наибольших на могильнике (оно уступает только женскому погребению № 546) включало портупейные (?) ремни, роговой гребень, 10 сосудов, бронзовую шпору, мясо, яйца.

Могила Слобозия-Кишкэрень 20, в яме с заплечиками, размерами 2,53 x 1,88 x 1,43 м, перекрывалась продольно расположенными деревянными плахами. Ее инвентарь составили: портупейные ремни (одна из пряжек серебряная), роговой гребень, 12 сосудов-«приношений», набор наконечников стрел; среди костей ягненка найден железный нож.

Погребение Горошевцы 4 в простой грунтовой яме, размерами 2,05 x 0,75 x 1,18 м, содержало портупейные ремни, роговой гребень, стеклянный кубок, 7 гончарных сосудов, наконечник стрелы, железный нож, мясную пищу.

Погребение из 3 кургана Кантемировка⁶ совершено в склепке-катакомбе, размерами 3,28 x 1,8 x 2,18 м, с деревянным помостом для покойника. В его инвентарь входили: 3 бронзовые и 1 серебряная поясные (?) пряжки, обувные ремни с бронзовыми пряжками, 3 бронзовые ременные накладки в виде полумесяца, золотое кольцо с разомкнутыми концами, золотое украшение ромбической формы и альмандиновой вставкой, роговой гребень, 4 гончарных сосуда-«приношения», 2 пары железных удил с кольцевидными псалями, кости овцы.

Таким образом, анализ погребального обряда и инвентаря могил с оружием, снаряжением всадника, конской упряжью в черняховском ареале позволяет сделать следующие выводы. Состав дружины, по всей видимости, состоял преимущественно из черняховцев. Воины-инопле-

⁶ Отнесение подкурганных захоронений Кантемировка к черняховской культуре, на мой взгляд, вполне правомерно и оправдано. Захоронения в ямах с заплечиками, подбоях и катакомбах массово представлены в юго-западном ее регионе. Инвентарь же кантемировских погребений соответствует погребальным нормам, выработанным черняховским населением для погребений «знати» [Bierbrauer, 1989, S. 71] в отличие от подкурганных могил Днепро-Донецкого междуречья (шахта «Моспинская»), оставленных степным населением, не примкнувшим к готской конфедерации.

менники – «германцы» и «аланы» [Левада, 1998, С. 58] – занимали незначительное место в готской дружине. Различным было их положение в черняховских общинах. Одни похоронены с соблюдением специфических погребальных обрядов (в том числе – с оружием), но без признаков общественного «признания» со стороны местного населения, другие – согласно местным нормам.

Некоторые изменения происходят в черняховском погребальном обряде со второй четверти 4 в. В это время черняховские погребения, в том числе высокого социального ранга, нередко сопровождают стрелы, с настоящими железными, а не символическими серебряными или бронзовыми наконечниками.

М. В. Любичев

Литература

- Вольфрам Х., 2003. Готы. Санкт-Петербург.
- Герета І., 2004. Нові відкриття у Чернелєві Руському (до питання про так звані князівські поховання) // Monumenta Studia Gothica. IV.
- Гончаров В. К., 1952. Отчет о раскопках Переяслав-Хмельницкого могильника культуры полей погребений в 1952 году // НА ІА НАНУ. № 1952/13.
- Гончаров В. К., Махно С. В., 1957. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького // Археологія. Т. XI.
- Кравченко Н. М., 1987. О методике социологического анализа погребального обряда черняховской культуры // Исследования социально-исторических проблем в археологии. Київ.
- Левада М. Е., 1998. Мечи римского времени восточноевропейского Барбарикума // АЛІУ. № 1-2.
- Левада М. Е., 2006. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // БИ. Вып. XI.
- Магомедов Б. В., 1997. Поховальні споруди як ознака соціального статусу в черняхівському суспільстві // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ-Львів.
- Магомедов Б. В., Левада М. Е., 1996. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. Вып. V.
- Мульд С. А., 1996. Могильники варварского населения Крыма I-V вв. // МАИЭТ. Вып. V.
- Bierbrauer V., 1989. Ostgermanische oberschichtgräber der römischen kaiserzeit und des frühen mittelalters // Archeologia Baltica. T.VIII (Peregrinatio Gothica. II).
- Preda C., 1980. Callatis. Necropola Romano-Bizantină. București.

Некоторые итоги и основные проблемы исследования памятников позднеимского времени – начала эпохи Великого переселения народов в днепро-днепровской лесостепи

Донаучное знакомство с древностями позднеимского времени (ПРВ) – начала эпохи Великого переселения народов (ЭВПН) в днепро-днепровской лесостепи (собрание римских монет и отдельных вещей) имело место уже в первой половине XIX в. Исследование этих древностей начинается с раскопок подкурганых погребений (Воронцовка, Кантемировка), грунтовых могильников (Гурбинцы, Пересечное), поселений (Пересечное) и публикаций некоторых их результатов [Мельник, 1905; Макаренко, 1927; Рудинский, 1931] в первой четверти XX столетия и составления затем локальных археологических карт [Луцкевич, 1948]. К 1941 г. регион уже считался составной частью ареала культуры «полей погребений» [Федоровский, 1927; Рудинский, 1928; Спицын, 1948].

Период 1945-1985 гг. характеризуется поисками черняховских памятников в отдельных частях региона, появлением их локальных и региональных карт [Ляпушкин, 1952; Махно, 1960; Зайцев, 1964; Сымонович, 1964; Дяченко, 1980], раскопками поселений (Ерковцы, Беседовка, Радужковка, Новолиповское, Максимовка, Кантемировка, Новопокровка, Войтенки 1, 2; Артюховка, Мамрой 2, Снагость 2, Колосково, Хлопков 1, Головчино) и могильников (Лохвица, Писаревка, Переяслав-Хмельницкий, Кантемировка, Сумы, Компанийцы, Соснова, Успенка, Дубяги, Павлюковка, Жовнин, Родной Край 1, Соколово). В последнее десятилетие периода им подверглись и не черняховские поселения этого времени (Букреевка 2, Каменево 2, Родной Край 3). Материалы черняховских памятников региона использовались для составления сводов римских монет и импорта в Восточной Европе [Кропоткин, 1961; 1970], каталога могильников и деталей погребального обряда [Сымонович, Кравченко, 1983]. К сожалению, большинство раскопанных памятников в этот период было опубликовано лишь частично или же не опубликовано вообще.

Главная черта современного периода – это «вписывание» памятников региона, впрочем как и всей Восточной Европы, в систему относительной и абсолютной хронологии Европы римского времени – ЭВПН и археологические реалии Барбарикума. Лидером здесь выступила Санкт-Петербургская археологическая школа М. Б. Щукина. Материалы черняховских могильников региона вошли в состав источников к созданию систем хронологии как черняховской культуры [Гороховский, 1988] так и культурных групп юга Восточной Европы [Гей, Бажан, 1997]. Увидели свет полные публикации материалов черняховских [Некрасова, 1985; Schultze, 2009; Некрасова, 1988; Петренко, 1991; Некрасова, 2006] и не черняховских [Тихомиров, Терпиловский, 1990; Сымонович, 1990; Сымонович, 2001-2002] памятников. Вышли сводные работы, касающиеся культурных процессов в регионе этого периода [Обломский, 1991; 2002; Терпиловский, 2004; Гавритухин, 2007]. При исследовании черняховских поселений стала применяться геомагнитная съемка (Войтенки: 2005, 2010 гг.). Предметом междисциплинарных исследований явилась керамика отдельных памятников (совместный проект Германо-Славянской археологической экспедиции ХНУ имени В. Н. Каразина и Евроазиатского отдела Германского археологического института «Гончарная керамика черняховской культуры и ее производство в Войтенках»).

Современные проблемы исследования возможно свести в несколько групп. Прежде всего это проведение тотальных археологических разведок, приводящих к созданию карт с привязкой памятников к рельефу, почвам, гидросистеме. Эта работа является основой в том числе Siedlungarchäologie – «археологии обитания», касающейся выявления структуры заселенности, коммуникаций, хозяйственных зон, торговых путей.

В области хронологических исследований назрела необходимость построения «колонок» черняховских могильников региона с использованием подробной типологии хроноиндикаторов, горизонтальной стратиграфии и корреляции. Следующим этапом должно явиться определение соотношения фаз (периодов) могильников – построение хронологических горизонтов. Эти локальные хронологические разработки являются важными, учитывая ошибочность простого переноса европейских (Эггерс, Годловский, Тейрал, Казанский-Легу) и черняховских (Щукин-Щербакова, Гороховский, Шаров, Гей-Бажан, Петраускас) шкал на все регионы черняховской культуры.

Актуальным видится исследование взаимосвязи дочерняховских памятников «горизонта Боромля» (или типа Букреевка 2 – Тазово) с черняховской культурой, исследование поселений с явлением перекрытия объектов этих горизонтов.

Погребения на могильниках черняховской культуры региона свидетельствует в пользу наличия здесь довольно весомой части «сарматского» элемента. Его исследование должно проходить в тесной связи с учетом его проявлений в других регионах черняховского ареала. Исследование археологического комплекса Войтенки показало необходимость качественного совершенствования методики исследования наземных сооружений черняховской культуры. Иногда остатки стен или пола наземных глинобитных конструкций ошибочно воспринимаются за отдельные очаги.

Успешная разработка данных проблем возможна лишь при условии координации действий специалистов и центров по археологии данного периода всех регионов государств Восточной и Центральной Европы, выполнения совместных научных проектов.

Литература

- Гавритухин И. О., 2007. Финал черняховской культуры // Раннеславянский мир. Вып. 9: Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Москва.
- Гей О. А., Бажан И. А., 1997. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). Москва.
- Гороховский Е. Л., 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V МКАС. Т. 4. Киев.
- Дяченко О. Г., 1980. Пам'ятки черняхівської культури в басейні Сіверського Дінця // Археологія. № 35.
- Зайцев Б. П., 1964. Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла // МИА. № 116.
- Кропоткин В. В., 1961. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г4-4.
- Кропоткин В. В., 1970. Римские импотные изделия в Восточной Европе (I в. до н.э.-V в. н.э.) // САИ. Вып. Д1-27.
- Луцкевич І., 1948. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області // Археологія. 1948. Т. 2.
- Ляпушкин И. И., 1952. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тыс. н.э. Днепровского лесостепного Левобережья // СА. Т. 13.
- Макаренко М. О., 1927. Археологічні досліди та розшуки на Прилуччині // КЗ ВУАК за 1926 р. Київ.
- Махно Е. В., 1960. Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты) // МИА. № 82.
- Мельник Е., 1905. Раскопки курганов в Харьковской губ. 1900-1901 гг. Дневник раскопок // Труды 12 АС. Москва. Т. 1.
- Некрасова Г. М., 1985. Охоронні розкопки черняхівського могильника поблизу м. Суми // Археологія. № 50.

Некрасова Г. М., 1988. Поселення черняхівської культури Хлопків 1 на Київщині // Археологія. № 62.

Некрасова А. Н., 2006. Памятники черняховской культуры Днепрового Левобережья // Готы и Рим. Киев.

Обломский А. М., 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. Москва-Сумы.

Обломский А. М., 2002. Днепроовское лесостепное Левобережье в поздне-римское и гуннское время (середина III-первая половина V вв. н.э.). Москва.

Петренко Е. Н., 1991. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца // Археология славянского юго-востока. Воронеж.

Рудинський М. Я., 1928. Археологічні збірки Полтавського музею // Збірник присвячений 35-річчю Полтавського музею. Полтава.

Рудинський М. Я., 1931. Кантамирівські могили римської доби // Записки ВУАК. Т. 1. Київ.

Спицын А. А., 1948. Поля погребальных урн // СА. Т. 10.

Сымонович Э. А., 1964. Северная граница памятников черняховской культуры // МИА. № 116.

Сымонович Э. А., 1990. Букреевка 2 – селище второй четверти I тыс. н.э. возле Курска // МИАДЛ. Курск.

Сымонович Э. А., 2001-2002. Поселение Каменево 2 под Курском // Stratum plus. № 4.

Сымонович Э. А., Кравченко Н. М., 1983. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. Вып. Д1-22.

Терпиловский Р. В., 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Lublin.

Тихомиров Н. А., Терпиловский Р. В., 1990. Поселения Гочево-1 и 2 на Псле // МИАДЛ. Курск.

Федоровський О. С., 1927. Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних. Харків.

Schultze E., 2009. Gefäßbeigaben in Kindergräbern der Černjachov-Kultur – zu einem Grab aus Sumy-Sad (Ostukraine) // Ostrogothica. Charkow.

К. В. Мызгин

Итоги исследований памятника поздне-римского времени возле с. Огульцы

В течении 2007-2008 гг. Германно-Славянской археологической экспедицией ХНУ имени В. Н. Каразина проводились исследования на поселении поздне-римского времени возле с. Огульцы (Харьковская область, Валковский район, Огульцовский сельсовет).

Поселение расположено в 2,5 км к юго-западу от с. Огульцы и занимает юго-западный склон мокрой балки, по которой протекала небольшая река четвертого порядка донецкой системы Черемушная (Черемушная – Мжа – Северский Донец – Дон). Сейчас русло реки частично заболочено, частично запружено. Селище Огульцы находится на берегу пруда неподалеку от истока реки и занимает два мыса, вдающихся в мокрую балку, и, в свою очередь, разделенных небольшой балкой (условно они обозначены «участок А» и «участок Б»). Площадь памятника составляет приблизительно 4,9 – 6 га.

О памятнике стало известно благодаря публикациям отдельных находок, обнаруженных в разное время на его поверхности: фибулам и пряжкам [Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, С. 8-106], римским и боспорским монетам [Бейдин, Григорьянц, Любичев, 2006, С. 110-143], предметам вооружения [Бейдин, Григорьянц, 2001, С. 118].

В августе 2007 г. на поселении проводилась шурфовка [Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, С. 68-78], которая позволила определить стратиграфические особенности памятника. В частности, было определено, что, в связи с большой крутизной склона балки и интенсивной распашкой её поверхности, происходила интенсивная эрозия почвы, которая привела к вскрытию культурного слоя поздне-римского времени. Иными словами, весь слой грунта, образовавшийся на поверхности памятника со времени функционирования здесь черняховского поселения (0,2-0,3 м) в последние несколько столетий был смыт и древний горизонт, на котором жило черняховское население, оказался практически на уровне современной

поверхности. Таким образом, собственно культурный слой, относящийся к позднееримскому времени, имеет мощность в пределах 0,05-0,3 м (в местах, где эрозия меньше – 0,1-0,5 м), а материковый суглинок находится на глубине от 0,6 м.

Во время визуального осмотра поверхности памятника перед началом шурфовки были обнаружены: часть спинки бронзовой фибулы «воинского» типа, бронзовая подвязная фибула, спинка фибулы «воинского» типа согнутая в кольцо, фрагмент лезвия топора, фрагмент железного ножа, три сильно корродированных железных предмета, глиняное биконическое пряслице, фрагменты ручек светлоглиняных амфор.

Шурфовка на участке А выявила довольно мощный слой, относящийся к бронзовому веку (по определению А. В. Корохиной керамика из слоя относится к позднему этапу срубной культуры). В шурфе 2 были зафиксированы пятна двух хозяйственных ям, заполнение которых содержало керамику срубной культуры. Мощность же слоя позднееримского времени на участке А оказалась небольшой.

На южной окраине участка Б располагался слобожанский хутор XVIII-XIX в., поэтому здесь встречаются фрагменты керамики, железных и стеклянных изделий этого периода. Слой позднееримского времени на участке Б имеет гораздо большую мощность, чем на предыдущем. Кроме того, на этом участке отсутствует слой бронзового века.

Из слоя происходят: фрагменты гончарной и лепной керамики позднееримского времени; глиняное орнаментированное бочонковидное пряслице; фрагменты глиняных грузил лепешковидной и пирамидальной форм; фрагменты стенок и ручек светлоглиняных амфор типа D и F. Рядом с шурфом 9 на пахоте обнаружена фибула с высоким приемником группы VII O. Альмгрена. В шурфах 10 и, в особенности, 12 зафиксированы плотные скопления глиняной обмазки.

Предполагалось, что скопление обмазки в шурфе 12 является частью рухнувшей стены наземного глинобитного жилища. Поэтому, с целью изучения предполагаемой постройки, в 2008 г. было предпринято расширение шурфа в раскоп I [Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, С. 67-77].

Общая площадь раскопа составила 94 кв.м. В слое были встречены скопления и отдельные куски обмазки, фрагменты венчиков, стенок и доньев гончарных и лепных сосудов позднееримского времени, кости животных, фрагменты глиняных грузил, глиняное биконическое пряслице, точильные камни со следами проточки инструментов, фрагмент нижней части (постава) каменного жернова, фрагменты стенок светлоглиняных амфор. В слое также обнаружены сильно корродированные железные прутики и подвязная фибула.

На территории раскопа изучены остатки трёх сооружений. *Сооружение 1* представляло собой скопление кусков глиняной обмазки, целых форм и фрагментов глиняных грузил и имело размеры 1,9 x 0,95 м. Уровни сооружения: верхний – 0,18 м, нижний – 0,43 м от уровня современной поверхности. Грузило 1 и 2 являлись лепешковидными, грузило 3 – пирамидальным. Между скоплениями и непосредственно под ними находились отдельные фрагменты венчиков, стенок и доньев гончарных и лепных сосудов позднееримского времени.

Сооружением 2 являлась площадка из пережженной глины подпрямоугольной формы, размерами 0,5 x 0,6 м. Уровни сооружения: верхний – 0,4 м, нижний – 0,65 м. В профиле сооружение имело линзовидную форму и состояло из нескольких слоев (сверху вниз): плотная пережженная глина серого цвета (3-5 см), рыхлая обожженная глина оранжевого цвета (5-8 см), непережженная глина желтого цвета (10-12 см).

Сооружение 3 представляло собой углубленную постройку подквадратной в плане формы, размерами 2,12 x 1,97 м. В профиле сооружение многоступенчатое, постепенно сужающееся ко дну. Заполнение сооружения представлено фрагментами венчиков, стенок и доньев гончарных и лепных сосудов позднееримского времени, костями животных, фрагментами стенок светлоглиняных амфор.

Полученные результате исследований на поселении Огульцы материалы свидетельствуют о его двухгоризонтности в позднееримское время. Материалы нижнего, «предчерняховского», горизонта представлены фибулой VII группы O. Альмгрена, фрагментами светлоглиняных амфор типа D, фрагментами характерной лепной керамики, и соответствуют ступеням C1b-C2 центральноевропейской хронологической системы. К верхнему, черняховскому, горизонту относятся находки фрагментов гончарной керамики, глиняных пряслиц, подвязных фибул и фибул «воинского» типа, отвечающие ступеням C3 и D1. Подобная картина соответствует той этнокультурной ситуации, которая сложилась в позднееримское время на территории днепродонецкой лесостепи. В частности, ближайшим поселением, где четко фиксируется перекрытие более раннего горизонта (горизонта Боромля) слоем «классической» черняховской культуры, является поселение Войтенки I [Любичев, 2008, С. 257-268].

Литература

Бакуменко К. И., Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Дидык В. В., 2006. Фибулы римского времени верховьев Ворсклы и Северского Донца // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков.

Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Любичев М. В., 2006. Находки монет римского времени на территории Харьковской области // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков.

Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., 2001. Находки предметов вооружения на памятниках черняховской культуры в бассейнах Ворсклы и Северского Донца // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков.

Любичев М. В., 2008. Об этнокультурных процессах позднеимского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи (в свете исследования археологического комплекса Войтенки I) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г., 2008. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2007 году. Харьков.

Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г., 2009. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2008 году. Харьков.

О. А. Радюш

Северо-восточная граница черняховской культуры по данным полевых исследований 2005-2010 гг.

Проблема пограничья черняховской культуры была поднята еще послевоенным поколением археологов [Сымонович, 1964; 1988]. Уже на основании первых немногочисленных находок и памятников, окраина культуры установилась в верховьях Сейма. Именно так она обозначена в современных монографиях [Обломский, 2002; 2004; Терпиловский, 2004]. Новейшие полевые исследования позволили более детально взглянуть на данный вопрос.

Открытые за последние 5 лет более 40 новых памятников и обследование ранее слабоизученных участков Посеймья значительно расширило наши представления о позднеимском периоде [Обломский, Радюш, Веретюшкин, 2005; Радюш, 2008б; Радюш, 2010]. Выявлено плотное заселение междуречья Сейма и Псла. Тип заселения соответствует характерному для черняховской культуры гнездовому способу расположения селищ, и отличие заключается в несколько больших расстояниях между самими сгустками поселений (до 5-6 км). На всех поселениях выявленных в междуречье значительный процент в подъемном материале составляет гончарная круговая керамика. Наиболее крупные («длинные») поселения зафиксированы в нижнем течении левого притока Сейма р. Реут и в районе его устья (Пены, Чапли, Дичня, Полевая Лукашевка, Рязаново, Любичское). Их протяженность достигает 1,5-2 км, а в случае с поселением Чапли возможно и до 4 км (в ряде случаев они занимают оба берега). Материалы позднеимского времени (круговая керамика, амфоры, фибулы, монеты) встречаются и на правом берегу Сейма, но здесь поселения не заходят вглубь территории на север, а располагаются в непосредственной близости от реки. Наиболее северное «длинное» поселение черняховской культуры выявлено на правом берегу реки Тускарь, недалеко от пос. Свобода. Ранее в этом районе памятники были известны только по правому берегу реки (Газово, Букреевка и т.д.).

Сравнение материалов полученных с поселений в районе устья Реута, на р. Ворожба, и на р. Тускарь показывает очевидное единство материальной культуры, совпадает и тип ландшафта. Практически на каждом памятнике отмечены находки римских монет чеканенных вплоть до Валента [Радюш, 2008а; 2010]. На всех памятниках прослеживается два хронологических горизонта: ранний, горизонт С2, и поздний, С3-D1. Вопрос о соотношении этих горизонтов и их взаимосвязи в рамках одного поселения остается открытым, очевидно лишь, что смена их происходит на всем протяжении от Реута до верховьев Тускаря. Общая датировка известных нам «длинных» поселений укладывается в рамках конца III в. – последней четверти IV в.

Среди лепной керамики встречаются как характерные для Левобережья «черняховские», так и «киевские» типы. Отдельно следует отметить наличие единичных обломков горшков типа «кумпф» с хрупкой и лощеной поверхностью, миски на ножках – характерных для германских центральноевропейских древностей, но также известных и на памятниках черняховской культуры Левобережья (Барбара, Косаново, Гочево, Букреевка и др.), миска типа Волонгевич VIb изготовленная вручную и доведенная на гончарном круге. Её форма соответствует своим вельбарским прототипам. Гончарная круговая посуда представлена практически всеми типами сосудов: от кубков до крупных сосудов-хранилищ.

Уникальными на данный момент остаются находки (монеты, амфоры, круговая керамика) с ряда городищ на Сейме (Люшинское, Кудеярова гора, Ратское). Учитывая их стратегическое положение можно предположить существование по правому берегу реки наблюдательных пунктов позволяющих контролировать движение по реке.

В настоящее время неизвестны датирующие находки относящиеся к второй половине III в. с территории к северу от Сейма, на Льговско-Фатежской гряде. В то же время здесь выявлено уже значительное количество поселений узко датированных первой половиной 5 в. [Радюш, 2008б]. Скопление этих селищ располагалось в верховьях небольших правых притоков Сейма, судя по данным разведок они могут уходить и севернее. Поселения занимают гораздо меньшую площадь по сравнению с предшествующим периодом, преобладает груболепная посуда, но присутствует и круговая. В шурфах выявлен культурный слой незначительной мощности. Характер подъемного материала позволяет предполагать насильственный конец данных поселков.

Новые материалы подтверждают начало заселения Посеймья новым населением пришедшим с запада-юго-запада в позднеримское время с конца 3 в. Наибольшей плотности оно достигает в 4 в., в основном к югу

от Сейма, к северу – поднимаясь по черноземной полосе вдоль Тускаря. Финал этих памятников приходится на конец 4 в., более поздние датирующие находки на «длинных» поселениях в настоящее время отсутствуют.

Комплекс признаков связанных с исследуемыми памятниками в Посеймье позволяют относить их непосредственно к черняховским древностям Днепровского Левобережья, рассматривая их как локальный пограничный вариант со своими особенностями, связанными с природными условиями и особенностями заселения. Памятников чистого «киевского» типа имеющих достаточное количество датировок для рассматриваемого периода пока неизвестно.

Литература

Обломский А. М., 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. Москва.

Обломский А. М., 2004. О территориальных границах двух групп памятников киевской культуры в Среднем и Верхнем Посеймье // Восточная Европа в Средневековье. Москва.

Радюш О. А., Обломский А. М., Веретюшкин Р. С., 2005. Новые сведения о памятниках гуннского времени Верхнего Посеймья // Ю. А. Липкинг и археология Курского края. Курск.

Радюш О. А., 2008а. Находки римских монет с территории Курской области // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск.

Радюш О. А., 2008б. Новые памятники III-V вв. н.э. в Курском Посемье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Радюш О. А., 2010. Исследования поселения III-IV вв. н.э. у пос. им. Карла Либкнехта (Пены) // Germania-Sarmatia II. Калининград-Курск.

Сымонович Э. А., 1964. Северная граница памятников черняховской культуры // МИА, 116

Сымонович Э. А., 1988. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. Москва.

Терпиловский Р. В., 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. (Monumenta Studia Gothica III). Lublin.

Картографування відомих сьогодні пам'яток дало можливість виявити, що селища і могильники концентруються переважно у двох великих групах [Строць, 2008, С. 23-26]. Перша – у північно-східній частині Західного Поділля, друга – у південній та західній*. Межа між ними проходить з півночі на південь по річці Сереті, а за 50 км від гирла повертає у східному напрямку паралельно до Дністра.

В обох групах є як спільні, так і відмінні риси. Спільними були розміщення селищ в однакових умовах, деякі риси поховального обряду (бірітуалізм, типи конструкцій могильних ям, набір поховального інвентаря, поховальний інвентар), єдиний господарський уклад населення, який базувався на досить високому рівні розвитку орного землеробства, скотарства, ремесел, торгівлі. Цьому сприяла, серед іншого, очевидно близькість римських провінцій, звідки запозичали передові технології для ремесел [Строць, 2008, С. 125-127].

Відмінні риси простежено у житлобудуванні, ліпній кераміці, окремих складових поховального обряду та деяких рисах матеріальної культури.

1. Для південної та західної групи пам'яток регіону характерна наявність як наземних, так і заглиблених жител. Наземні житла були каркасно-стовпою конструкції, заглиблені як каркасно-стовпою, так і зрубної. Традиції спорудження заглиблених жител з пічкою-кам'янкою (таких тут більшість) знаходять своє продовження в комплексах гунського часу, і пізніше – в празько-корчацьких.

У північно-східному регіоні зафіксовано виключно наземні будівлі (одно-, дво- і трикамерні), що різняться від попередніх, зокрема, розмірами. Тут домінують житлові споруди площею від 50 до 100 кв.м, а на півдні – до 30 кв.м. Традиції зведення так званих великих будинків знаходимо у вельбарській культурі.

2. Відмінність простежено і у плануванні інтер'єру. Найстійкішим елементом внутрішнього планування будинку є розміщення печі. На черняхівських пам'ятках Придністровського регіону опалювальні пристрої в наземних житлах концентруються в основному у північно-західній частині споруди, рідше – у східній. В той час як у заглиблених їх переважно розташовують у східній частині житла. В житлах гунського часу (домінуючим типом стає напівземлянка) тенденція розміщувати печі та вогнища у східному секторі зростає, а в ранньослов'янських кінця V – VI ст. становить майже 100 відсотків [Строць, 2003, С. 55-62].

* У зв'язку з тим, що територія поширення першої групи співпадає із Тернопільським ландшафтним районом Західного Поділля, то її умовно назвемо Тернопільською, а другу – Придністровською, тому що домінуюча кількість селищ і могильників виявлено саме на території Придністровського ландшафтного району.

Б. С. Строць

Слов'яно-германське порубіжжя на Західному Поділлі

Західне Поділля займає південну частину Волино-Подільської плити. Загальна площа становить біля 14 тис. кв. км [Физико-географическое, 1968, С. 187-188; Геренчук, Койнов, Цись, 1964, С. 79].

Перші пам'ятки в регіоні, які пізніше були віднесені до черняхівської культури, були відкриті ще наприкінці XIX – поч. XX ст., На сьогодні відомо – 219 селищ і 32 некрополі [Строць, 2008, С. 23].

Наприкінці 1960-х років В. Д. Баран виділив дві групи черняхівських пам'яток у верхів'ях Дністра і Західного Бугу. До першої дослідник відніс, зокрема, Ріпнів II, Черепин, Бовшів II, Незвисько та ін., до другої – Сухостав, Максимівка, Голігради, Новосілка-Костюкова. Межа між ними, на думку дослідника, мала би проходити по Серету. Для пам'яток першої групи характерними є напівземлянки або землянки переважно чотирикутної чи овальної форми з вогнищем, дуже рідко з пічкою, збудованою з глини або каменю. Для другої – характерні наземні житла із вогнищами або глинобитними печами [Баран, 1970, С. 9]. Це був один з перших кроків по визначенню слов'яно-германського порубіжжя в регіоні. Пізніше у південних районах Західного Поділля було виявлено ряд поселень, які суттєво доповнили наші знання про черняхівську культуру. Так, в Бакоті [Винокур, Горішній, 1994, С. 46-63], Соколі [Вакуленко, 1983, С. 155-180; Вакуленко, Приходнюк, 1984, С. 6-43], Теремцях [Баран В., Баран Я., 2002, С. 174-180] виявлено матеріали, що переконливо свідчили про їх слов'янську приналежність. Більше того, на цих селищах, чи не вперше, досліджено горизонти гунського часу, де в закритих комплексах разом із черняхівськими, знайдено матеріали характерні для ранньослов'янської празько-корчацької культури. Ця група отримала назву «пам'ятки типу Черепин-Теремці». Очевидно вони виникли на основі зубрицьких старожитностей під впливом провінційно-римської культури [Козак, 1991, С. 136].

В Тернопільському мікрорегіоні печі-кам'янки відсутні, а глинобитні печі та вогнища локалізуються переважно в центрі будівлі. Таке розміщення опалювальних пристроїв є характерним для великих жител вельбарської культури Волині [Козак, 1991, С. 74].

3. На поселеннях, розташованих у північній частині регіону, – Кобилля, Очеретне, Малашівці – виявлено ліпний посуд, який за складом тіста, засобами обробки поверхні, орнаментациєю, формами характерний для вельбарської культури, а частина форм ліпної кераміки з півдня Західного Поділля та правого берега Серету продовжує побутувати у ранньослов'янській культурі кінця V – VI ст.

4. В поховальному обряді черняхівських племен Західного Поділля також фіксуються певні відмінності між виділеними групами пам'яток. Зокрема, у північних районах регіону трупоспалення не перевищують 29 %, а на деяких могильниках відсутні зовсім. В той час як на Придністровських могильниках кремації складають 50 % і більше. Крім того, у північних районах поширені кремації в закритій урні, а на півдні – у відкритій урні. Таким чином, у другій чверті I тис. н.е. Західне Поділля населяли дві етнічні групи: автохтонна – слов'янська та прийшла – германська. Територія першої збігалася з Придністровським, другої – Тернопільським ландшафтними регіонами.

Література

Баран В. Д., 1970. Черняховская культура в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований // КСИА. Вып. 121.

Баран В. Д., Баран Я. В., 2002. Походження українського народу. Київ.

Вакуленко Л. В., 1983. Поселение позднеимского времени у с. Сокол и некоторые вопросы славянского этногенеза // Славяне на Днестре и Дунае. Київ.

Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М., 1984. Славянские поселения I тыс. н. э. у с. Сокол на Среднем Днестре. Киев.

Винокур І., Горішний П., 1994. Бакота. Кам'янець-Подільський.

Геренчук І. К., Койнов М. М., Цись П. М., 1964. Природно-географічний поділ Львівського та Подільського економічних районів. Львів.

Козак Д. Н., 1991. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. – IV ст. н.е.). Київ.

Строценъ Б. С., 2003. Про деякі закономірності розміщення опалювальних пристроїв у черняхівських житлах Західного Поділля // Археологічні студії. Вип. 2. Київ-Чернівці.

Строценъ Б., 2008. Черняхівська культура Західного Поділля. Тернопіль.

Физико-географическое районирование Украинской ССР, 1968. Киев.

В. С. Тилищак

«Ритуальний майдан» Чернелево-руського могильника та питання «могильних кругів» на некрополях черняхівської культури

У 1985 р. на Чернелево-руському черняхівському могильнику І. П. Геретою досліджено незвичний об'єкт, який викликає певний науковий інтерес.

В північно-східній частині могильника розташована велика вільна від поховань площадка. За своїми обрисами вона наближається до неправильного овалу шириною понад 20 м. Посеред площадки розташована велика яма, що мала на рівні фіксації форму, наближену до квадрата із заокругленими кутами, орієнтованими за сторонами світу, розмірами 3,04 x 3 м. Яма звужувалась до дна і мала доволі складну конструкцію. Загальна глибина ями 6 м. В польовій документації вона позначена як поховання № 143. Оскільки чітких ознак поховання в ній не виявлено, то І. П. Герета попередньо окреслив об'єкт як «умовне поховання» [Герета, 1985, С. 7].

І. П. Герета свого часу припускав, що яма мала культове призначення, а навколо неї розташовувався «ритуальний майдан». Пізніше, у зв'язку із відкриттям «князівських поховань», дослідник не виключав зв'язок ями із ними [Герета, 1995, С. 151].

Не виключено, що «умовне поховання» 143 Чернелево-руського могильника є залишками «ритуальної» криниці. На користь цього може свідчити як велика глибина ями, її звуження до дна, так і відокремлене розташування.

Точних аналогій як ямі, так і площадці на пам'ятках черняхівської культури не відомо. Але подібне планіграфічне утворення зафіксоване на Масломицькому могильнику в Західному Побужжі (Польща). В центральній частині могильника досліджена вільна від поховань підовальна площадка розміром 30 x 23 м. Посеред площадки зафіксовано сліди циліндричної ями глибиною 0,9 м [Kokowski, 1998, S. 69].

А. Коковський висловив припущення, що яма могла бути слідами «священної криниці» [Kokowski, 1999, S. 122].

Серед черняхівських пам'яток певну подібність до описаних вище площадок має могильник в Ранжевому, де простежується оточена похованнями площадка розмірами приблизно 20 x 11 м, в межах якої знаходилася циліндрична яма діаметром 1,35 x 1,15 м та глибиною приблизно 1,0 м без ознак поховання [Сымонович, 1978, С. 97, 95: Рис.18].

На окремих черняхівських могильниках простежується ще одна особлива планіграфічна риса некрополів масломичської групи – «могильні круги», які простежені в Грудеку над Бугом та Масломенчу. «Могильними кругами» А. Коковський називає утворювані могилами круги довкола однієї із могил, що розташована в приблизнім центрі такого круга [Kokowski, 1998, S. 71 - 72].

На черняхівських пам'ятках подібні утворення простежуються, зокрема, у Горошівцях, де могили розташовані колом довкола поховання 10. У Курниках подібні круги простежуються довкола поховань 4, 14 і 19, які вирізняються від рядових поховань могильника своїми підквадратними формами та більшою глибиною. В Холмському та Коблевому поховання вищого соціального рангу розташовувались в центрі могильника і були відокремлені від інших могил вільними площадками овальної форми. В Холмському поховання № 56 відокремлювалось від інших площадкою діаметром 18-20 м, а в Коблево поховання № 19 – площадкою шириною (по лінії північ – південь) 14 м.

До перелічених могильників можна ще, з певною долею ймовірності, додати некрополі Лазо та Фурманівка. В Лазо центром могильного круга можливо було поховання № 39, а у Фурманівці поховання № 8. Та оскільки зазначені поховання в Лазо і Фурманівці знаходяться на окраїні досліджених частин могильників, щось певніше сказати складно.

Всі згадані вище могильники поряд із «могильними кругами» об'єднує із масломичською групою і абсолютне домінування інгумацій. На згаданих некрополях процент кремацій коливається від 0 (Курники, Горошівці) до 14 % (Коблево). Також у більшості випадків центральні поховання у «могильних кругах» черняхівської культури, як і в Грудеку, виділяються своїми розмірами та глибиною.

А. Коковський виводить ідею «могильних кругів» із скандинавської традиції кам'яних кругів, що присутня також на вельбарських пам'ятках Помор'я. На думку дослідника, відсутність придатного каменю в Масломенчу і Грудеку змусила прибульців із півночі при закладанні кругів обходитись без нього. Але не притаманність для північних кругів центральних поховань не дозволяє однозначно сприймати це припущення.

Домінування інгумацій на некрополях із могильними кругами підштовхує до пошуків їх витоків на територіях із традиціями трупопокладань. Зокрема, на кельтських могильниках латенського часу простежується традиція відділення окремих поховань від основного масиву ровиками прямокутної чи круглої форми. Подібні відокремлені могили можуть бути довкола оточені рядовими похованнями [Fillip, 1956, S. 296-297; Benadik, 1960, Obr. 2].

Схожі до «могильних кругів» планіграфічні утворення можна простежити і на окремих причорноморських пізньоантичних некрополях. Наприклад вільні від поховань площадки, що нагадують описані вище «могильні круги» простежуються на могильнику в районі селища ім. Войткова (довкола поховань 9 та 59) та на Севастопольському могильнику (Радгосп 10, довкола поховань 39 та 224). Тож не виключено, що у римський час різні схожі традиції поєднуючись дали ідею могильних кругів, що знайшло своє відображення у масломичській групі та на черняхівських могильниках.

Тож серед могильників черняхівської культури можна виділити окремі пам'ятки, на яких можна припускати існування «могильних кругів». Проте все таки «могильні круги» не можуть вважатись характерною рисою планіграфії могильників черняхівської культури, і їх слід розцінювати як окреме локальне явище.

Література

- Герета І. П., 1985. Звіт про дослідження могильника черняхівської культури в с. Чернелів–Руський в 1985 році // НА ІА НАНУ. № 1985/79-а.
- Герета І. П., 1995. Нові пам'ятки Західного Поділля в світлі проблем черняхівської культури // МДАПВ. Вип. 6.
- Герета І. П., 2002. Місце так званих князівських поховань серед пам'яток черняхівської культури (на підставі нових досліджень) // Записки НТШ. Т. ССXLIV.
- Сымонович Э. А., 1979. Коблевский и Ранжевский могильники около Одессы. // Могильники черняховской культуры. Москва.
- Benadik V., 1960. Keltské pohrebisko v Bajě-Vlkanovo // Slovenska arheologia. № 2
- Fillip J., 1956. Keltové ve střední Evropě. Praha.
- Kokowski A., 1998. Cmentarzyska ludności grupy masłomęckiej // Akta studia Uniwersitatis. Wrocław.
- Kokowski A., 1999. Archeologia gotów. Goci w Kotlinie Hrubieszowskiej. Lublin.

АНТИЧНЫЙ МИР И БАРБАРИКУМ

ANTIKE WELT UND BARBARICUM

В. В. Вахонеев

Некоторые аспекты топографии Мирмекия в I–III вв. н.э.

Мирмекий – «малый» городок Боспора, расположенный на северном берегу Керченской бухты на Карантинном мысу, в пределах современного города Керчи. Город просуществовал со второй четверти VI в. до н.э. до начала IV в. н.э. Накопленные за последнее десятилетие археологические данные позволяют более конкретно говорить об истории Мирмекия в римский период.

В первой половине I в. до н.э. в городе происходят некоторые негативные изменения, в результате которых Мирмекий начинают массово покидать жители. Центральная и восточная части города превращаются в руины [Гайдукевич, 1959, С. 55; Пругло, 1960, С. 274]. Период позднего эллинизма был крайне неблагоприятным не только для Мирмекия, но и для всего Боспора. Ухудшение военно-политического положения Боспорского царства, вызванное постоянными столкновениями с соседними варварскими племенами, события, последовавшие за подчинением государства понтийскому царю Митридату VI Евпатору, привели к глубокому социально-экономическому кризису Боспора. Однако в первые века нашей эры жизнь в городе возрождается и даже достигает весьма высокой степени развития [Виноградов, 1992, С. 114].

В данное время Мирмекий занимает территорию около 4 гектаров [Гайдукевич, 1959, С. 5]. Любому, кто хотя бы раз побывал на городище,

сразу же бросается в глаза его естественное деление. Невысокая каменная гряда пересекает территорию памятника с юга на север и разделяет её на две неравные части. По всей видимости, для жителей античного Мирмекия такая характерность его топографии имела чрезвычайно важное значение, диктуя особенности застройки и планировки поселения [Бутягин, 2001, С. 80].

Долгое время в отечественной историографии доминировало мнение, что Мирмекий обладал своим акрополем и жилые дома первых веков нашей эры были построены на его месте. Исходя из этого, некоторые учёные считали, что факт застройки бывшего акрополя с его общественными постройками вполне согласовывался с изменением характера поселения, на которые указывали античные авторы. Если в эпоху расцвета города в IV в. до н.э. Псевдо-Скилак называет его «полис» (πόλις), то в I в. н.э. Страбон именует Мирмекий «городком» (ποίχλιον) и «селением» (κώμη) (Strabo, VII, 4, 5; XI, 2, 6). Однако, раскопки последних лет показали, что в доримскую эпоху территория т.н. «акрополя» Мирмекия наиболее интенсивно застраивалась только в позднеархаический период [Бутягин, 2001, С. 80]. Весьма не исключено, что до римского времени акрополь и существовал в виде ряда святилищ со священными незастроенными участками. Однако на рубеже эр характер застройки территории бывшего акрополя полностью меняется, начинают возводиться жилые здания с хозяйственными помещениями.

После событий I в. до н.э. территория Мирмекия подверглась новой застройке, существенно отличающейся от предыдущей эллинистической [Гайдукевич, 1959, С. 102]. Но перед этой застройкой все разрушенные здания I в. до н.э. перекрываются мощным нивелирующим слоем мусорной свалки из пищевых отходов и обломков керамики (вторая половина I в. до н.э. – начало I в. н.э.) [Кастанаян, 1959, С. 214–215]. Характерная особенность Мирмекия первых веков нашей эры, на которую всегда обращали основное внимание исследователи, – это отсутствие сплошной застройки [Виноградов, 1992, С. 115]. Хотя восстановление нормальной жизни населения Мирмекия, наступившее в начале нашей эры, всё же сопровождалось новым строительством, но прежнего положения город вернуть себе уже не смог. Теперь это была уже κώμη, т.е. поселение промыслово-сельского типа [Гайдукевич, 1959, С. 103].

В это время Мирмекий состоит из нескольких укрепленных усадеб, серий крупных домовладений, включавших в себя большое количество жилых и хозяйственных помещений, перемежавшихся с пустырями [Бутягин, 2001, С. 80; Гайдукевич, 1959, С. 102].

Не исключено, что с отсутствием сплошной застройки Мирмекия связано то обстоятельство, что Мирмекий в римское время не имел оборонительной стены, несмотря даже на то, что многие поселения сельской хоры наоборот укрепляются и расширяются в данный период (Белинское городище, Ново-Отраденское поселение). Более ранняя стена III в. до н. э. в первых веках нашей эры уже не существовала [Виноградов, 1992, С. 115]. Не разобранными остались лишь нижние ряды кладки. Раскопки на участке «Б» показали, что мирмекийская оборонительная стена была разобрана в позднеэллинистическое время (II-I вв. до н. э.). Доказательством этому служит факт присутствия оборонительных сооружений в ряде домовладений на территории Мирмекия.

Интересно отметить, что раскопками последних лет в западной части городища была выявлена интересная конструкция, которая вполне могла служить фундаментом для небольшого маяка [Бутягин, 2006, С. 25].

В середине II века н.э. в результате каких-то неизвестных событий часть построек была разрушена и население временно покинуло эту территорию. Интересно отметить, что как раз в момент отсутствия населения на вершине мирмекийского акрополя возводится монументальная каменная гробница, представлявшая собою склеп с двумя камерами. В одной из камер находился простой мраморный саркофаг. Другой же, украшенный рельефными изображениями, находился в дромосе. Следует отметить, что своим богатством второй саркофаг не имеет аналогий в Северном Причерноморье. Интересно отметить, что над склепом, который был вырублен в скале, был насыпан небольшой курган, обнесённый крепидой из огромных рустованных каменных блоков, образовав своеобразную цилиндрическую башню. Это сооружение было разрушено в 1925 году при добычании камня, но внешний вид его нам известен благодаря зарисовкам П. Дюбрюкса. Поскольку склеп был ограблен, никакого сопровождающего материала, который мог бы помочь при решении вопроса о социальной принадлежности погребённых здесь лиц, не было найдено. Однако, как отмечали исследователи, богатство саркофага уже показательно. К тому же выбор места на самой высокой части городища, по-видимому, не случаен. Не так уж часто греки устраивали захоронения в непосредственной близости от жилья. Возможно, мы имеем дело с представителями правящей на Боспоре династии или наиболее приближёнными к ним людьми? [Виноградов, 1992, С. 114]. Фактически, это сооружение и определило облик западной части Мирмекия до конца античного периода.

Наконец необходимо отметить и производственный комплекс из восьми рыбозасолочных цистерн в составе небольшого домовладения,

располагавшегося на возвышенности центральной части городища. Такое необычное расположение производственного комплекса, связанное с доставкой рыбы на самый верх, неприятными запахами гниющей рыбы в центральной части Мирмекия, можно объяснить мерами предосторожности строителей, поскольку в дождливый период цистерны бы не затопливались водой.

Литература

Бутягин А. М., 2001. Западная окраина Мирмекия в свете последних археологических исследований // 175 лет Керченскому музею древностей. Керчь.

Бутягин А. М., 2006. Акрополь Мирмекия в свете археологических исследований // Боспорские исследования. Вып. XIII. Симферополь-Керчь.

Виноградов Ю. А., 1992. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. Москва.

Гайдукевич В. Ф., 1959. Мирмекий. Варшава.

Кастанаян Е. Г., 1959. Период позднего эллинизма в истории городов Боспора // ПИСПАЭ. Москва.

Пругло В. И., 1960. Восточные кварталы Мирмекия в свете археологических исследований 1957 г. // ЗОАО. Т. I (34).

И. В. Зиньковская

Античные и сарматские погребения с выемчатыми эмальями Юго-Восточной Европы*

Одним из самых ярких элементов культур римского времени лесной и лесостепной зон Восточной Европы являются находки бронзовых изделий с выемчатыми эмальями. Они получили свое название по характерной геометрической орнаментации, в которой широко использовались эмали разной окраски. Их набор весьма устойчив и включает: украшения (браслеты, разнообразные подвески, нагрудные цепи), детали одежды (фибулы, пряжки и другие детали поясов), а также шпоры. Первая серьезная попытка изучения изделий с выемчатыми эмальями предпринята Г. Ф. Корзухиной [1978], составившей в 1978 г. их Свод. Местом возникновения стиля восточноевропейских эмалей она считала Прибалтику, а украшения с эмалью датировались ею V – серединой VI в. В разработку хронологии изделий круга эмалей наиболее существенный вклад внес Е. Л. Гороховский [1982], который обоснованно отнес их к середине II – началу IV в. Он не только существенно удревнил их хронологию, но и доказал связь с позднезарубинецкими и киевскими древностями. Весьма раннее появление эмалей на территории вельбаркской культуры (во второй половине – конце II в. н.э.) подтвердили и исследования А. Битнер-Врублевской [1992]. Из последних работ по изделиям с выемчатыми эмальями следует выделить сводку А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского [2007], которые проанализировали 55 находок из лесостепной полосы Восточной Европы. Они обосновали их датировку второй половиной II – серединой III в. н. э. Близкую точку зрения на хронологию вещей с выемчатыми эмальями высказал А. Г. Фурасев [2002]. В последнее время стали известны новые районы концентрации изделий круга выемчатых эмалей. Несколько их десятков найдено на Харьковщине [Дидык, 2007].

Они присутствуют в древностях так называемого «иньясевского типа», открытых А. Хрековым в Среднем Прихоперье [Хреков, 1997]. По основным показателям последние близки позднезарубинецким памятникам горизонта Рахны-Почеп [Щукин, 1994], а время их распространения в Прихоперье ограничивается II – серединой III в. Таким образом, по современным представлениям основной период бытования вещей с эмальями на территории восточноевропейской лесостепи приходится на позднезарубинецкий культурно-хронологический горизонт и начальный этап киевской культуры.

Однако отдельные находки изделий круга «варварских эмалей» известны далеко от основного ареала их распространения – на юге Восточной Европы, в сарматских и античных могильниках. При этом если подавляющее большинство лесостепных эмалей найдены вне комплексов или в лучшем случае в культурном слое, практически все южные находки происходят, как правило, из хорошо датированных погребений.

Могильник Клинь-яр, погр. 11 [Виноградов, Рунич, 1969, С. 118-119]. В грунтовой могиле найден скелет женщины, положенной вытянуто, на спине, головой на ЮЗ. При ней найдена железная пряжка с округлой рамкой и подвижным язычком, бронзовая фибула и бронзовая подвеска-лунница треугольной формы, окончания которой украшены тремя кружочками с эмалью. По обрядовым признакам (кисти рук на тазовых костях, ноги перекрещены в голених) захоронение относится к сарматской культуре. Бронзовая сильнопрофилированная фибула причерноморского типа (тип 1, вариант 2) позволяет датировать его второй половиной II в.

Кельи, погр. 1962 г. на городище [Сокольский, 1964, С. 207-209, Рис. 1, 2]. Оно впущено в культурный слой, поэтому тип могилы не установлен. Скелет женщины лежал вытянуто, на спине, головой на юго-запад, а кисти ее рук находились на нижней части живота. При ней найден фрагмент треугольной бронзовой фибулы (эмаль не сохранилась), лежавшей выше левого плеча, а также бронзовое зеркало, находившееся на правой части груди. Погребение было датировано Н. И. Сокольским V в. Однако с этой датой не согласуется зеркало, украшенное на обороте рельефным орнаментом из концентрических кругов и полукружий. По описанию Н. И. Сокольского оно имеет «короткую боковую ручку без дырочки», хотя в публикации на фотографии она заметна. Если это так, то оно является сарматским зеркалом-подвеской с боковой петлей, типа Хазанов IX. В таком случае, погребение следует датировать более ранним временем – второй половиной II – серединой III в. С этим заключением хорошо согласуется и датировка фибулы с треугольной ножкой III типа по Г. Ф. Корзухиной, которую по всем признакам следует отнести ко

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 09-01-56107 а/ц.

второй стадии эволюции выемчатых эмалей [Обломский, Терпиловский, 2007, С. 123].

Могильник Дивизия, кург. 2 [Субботин, Дзиговский, 1990, С. 2-4, Рис. 3]. В погребении найдена пряжка-сюльгама с эмалью, концы которой украшены ромбическими гнездами, а центральный щиток имеет подквадратную форму с изображением мальтийского креста. Помимо сюльгамы в этом захоронении обнаружены другие бронзовые вещи: позднесарматское зеркало-подвеска типа Хазанов IX с тамгообразным знаком боспорского царя Ининфимея, лучковая подвязная двучленная фибула, фасетированный наконечник ремня, а также застежка-зажим («бигуди»). Погребение позднесарматское, скорее всего, было совершено в первой половине III в.

Могильник Валовый, кург. 33 [Беспальный, Беспалая, Раев, 2007, С. 80-81]. Погребение совершено в подбое, скелет женщины лежал головой на север, ее череп слегка деформирован. Слева от правой ноги были найдены три бронзовых изделия с выемчатыми эмальями. Два из них однотипные – крестовидной формы, на пересечении лучей имеется крестовидное углубление, заполненное красной эмалью. От трех лучей отходят полумесяцы, концы которых завершаются расширениями в виде дисков. Диски украшены крестообразными углублениями, заполненными желтой эмалью. На четвертом луче имеется литой вертикальный сегмент, выше его стержень обломан. Третье изделие в виде стилизованного солярного знака украшено красной эмалью. Его основу составляет круг с мальтийским крестом внутри, от круга отходят лучи, завершающиеся крестовидными фигурами, их три конца оформлены в виде конических утолщений. В погребении также были найдены: лучковая, подвязная одночленная фибула 5 варианта и сильнопрофилированная фибула причерноморского типа (1 тип, 2 вариант), литой бронзовый котел, бронзовое китайское зеркало, набор украшений и посуды. Погребение – позднесарматское, скорее всего, датируется рубежом II – III вв.

Таким образом, все рассмотренные выше «южные» погребения с эмальями были совершены в пределах второй половины II – первой половины III в. н. э. Все они – женские, что хорошо согласуется с атрибуцией подвесок и сюльгам с эмальями как украшений и деталей именно женского костюма. В тоже время укажем, что помимо этих специфических находок ничто больше не отличает проанализированные комплексы от обычных позднесарматских погребений.

Кроме захоронений следует назвать находку бронзовой якоревидной подвески из культурного слоя поселения *Рогожкино XII* в дельте Дона [Безуглов, Гудименко, 1993, С. 169-174, Рис.1]. По основным признакам

она близка лунницам «расцветшего стиля», хотя ее декор более строг и лаконичен. На основании находок фрагментов позднеантичных амфор в горизонте, где найдена эта подвеска, авторы публикации склоняются к ее датировке поздним III – IV в. н.э. Однако найденные в слое десять бронзовых боспорских монет дают более узкий хронологический горизонт – от Савромата II (174-210 гг.) до Ининфимея II (234-239 гг.). Таким образом, и дата этой подвески, скорее всего, не выходит за пределы конца II – середины III в. Исследователи верно оценивают немногочисленную серию подобных находок на юге Восточной Европы как частный эпизод сложнейшей историко-археологической ситуации, сложившейся здесь. Однако описанные выше изделия круга «варварских эмалей» вряд ли относятся к горизонту позднеантичного времени – эпохе морских походов готов второй половины III в. и тем более к IV в. Представляется, что все вышеперечисленные «южные» находки «варварских эмалей» больше соответствуют финалу горизонта B2 и B2/C1 средневропейской системы хронологии. В таком случае их логичнее связывать не с эпохой готских войн, а с еще более ранним расселением «венедов» (горизонт позднезарубинецких древностей типа Рахны-Почеп и их переходной ступени к киевской культуре). В этих находках можно видеть свидетельства эпизодических контактов населения лесостепной и степной зон Восточной Европы во II – первой половине III вв. н.э.

Литература

- Безуглов С. И., Гудименко И. В., 1993. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // РА. № 1.
- Беспальный Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А., 2007. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1» // МИА Юга России. № 2.
- Виноградов В. Б., Рунич А. П., 1969. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Т. III. Грозный.
- Гороховский Е. Л., 1982. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и раннесредневековой художественной культуры. Киев.
- Гороховский Е. Л. 1982а. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев.
- Дидык В. В., 2007. К вопросу о верхней хронологической границе выемчато-эмалевого стиля Поднепровья и Днепровского Левобережья // ХАС. Вып. 2.
- Корзухина Г. Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V- первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // САИ. Вып. № 1-43.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). Раннеславянский мир. Вып. 10. Москва.

Сокольский Н. И., 1964. Погребение V в. в Кепях // СА. № 4.

Субботин Л. В., Дзиговский А. Н., 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья (курганские могильники Дивизийский и Белолесский). Ч. II. Киев.

Фурасьев А. Г., 2002. Проблема датировки кладов вещей с выемчатыми эмалями // Клады. Состав, хронология, интерпретация. Санкт-Петербург.

Хреков А. А., 1997. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья // Проблемы славянской археологии: Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Москва.

Хреков А. А., 2004. Древности Прихоперья. Балашов.

Шукин М. Б., 1994. На рубеже эр. Санкт-Петербург.

Bitner-Wroblewska A., 1989. Elementy baltyjskie w kulturze wielbarskiej // Kultura wielbarska w mlodszyim okresie rzymskim. Lublin.

В. В. Крапивина

Ольвия и черняховская культура

История региона Нижнего Побужья в 3-4 вв. н.э. в значительной степени определялась взаимоотношениями Ольвии и племен черняховской культуры. Вторая – третья четверти 3 в. н.э. ознаменовались так называемыми «скифскими» или «готскими» войнами, охватившими также и Северное Причерноморье. В них приняли участие различные этнические группы, известные древним авторам под общим названием «скифы», «сарматы» или «готы».

В период этих войн происходит формирование черняховской культуры. Первоначально существовало две точки зрения на время этого процесса в Северо-Западном Причерноморье. Часть исследователей относилась к 2 – середине 3 вв. н.э. [Магомедов, 1987, С. 94; Крыжицкий и др., 1989, С. 154-155], что позволяло предполагать контакты с Ольвией и Тирой уже в это время и даже сделать выводы об их влиянии на формирование комплекса черняховской кружалной посуды, а также о существовании неукрепленных черняховских поселений одновременно с городищами ольвийской хоры. Однако большинство ученых обоснованно считало, что формирование этой культуры в Причерноморье относится к середине – второй половине 3 в. н.э. и связано с появлением здесь северного черняховского населения [Гороховский та ін., 1985, С. 36; Гей, 1986, С. 77; Гудкова, 1987, С. 16; Гудкова, Крапивина, 1990]. Сейчас вторая точка зрения является общепринятой [см.: Магомедов, 2001, С. 134; Крыжицкий и др., 1999, С. 339-340].

Представляется возможным связать появление этого населения с готским походом 269-270 гг., в результате чего была разрушена не только сама Ольвия, но и прекратили существование последние городища ольвийской периферии, а также нижнеднепровские городища. Археологическими исследованиями в юго-восточной части Верхнего города Ольвии было установлено наличие двух слоев разрушения города в 3 в. н.э., второй из которых связывается именно с 269-270 гг. [Крапивина, 1993, С. 154].

К этому же времени относится единственное погребение, раскопанное в Нижнем городе и позднее перекрытое постройками предместья. Анализ сопровождающего инвентаря и обряда погребения позволяют констатировать, что оно связано с представителями черняховской культуры. Очевидно, что это погребение ребенка 3-4 лет было совершено в экстремальной ситуации – ребенок умер и его похоронили по племенному обряду на чужой территории [Лейпунская, 2006, С. 185-188]. Фактически подтверждается информация письменных источников (SHA, Claud., 6,2), что готы выступили в этот поход вместе с семьями, решив поселиться на землях Римской империи.

После готского разгрома 269-270 гг. н.э. жизнь в Ольвии возобновляется не ранее середины – конца 80-х годов 3 в. н.э., римские монеты тут появляются только при Диоклетиане (284-305 гг.) [Карышковский, 1968, С. 178]. Территория самой Ольвии сократилась незначительно относительно предшествующего периода. Большое по площади производственно-хозяйственное предместье продолжает существовать в Нижнем городе, функционирует порт.

Однако Ольвия перестала быть центром большой сельскохозяйственной округи. Ее хора существует теперь только в радиусе 5-10 км, остальная территория занята поселениями черняховской культуры. Их количество более, чем вдвое превышает число бывших городищ хоры Ольвии [Крыжицкий и др., 1989, С. 159]. Они появляются здесь, вероятно, немного позднее возрождения Ольвии, как отображение процесса возвращения части северопричерноморских племен (в состав которых входили и готы) после разгрома их войсками Римской империи. Плотность расположения памятников черняховской культуры уменьшается с запада на восток. В районе Ольвии, скорее всего, появляются грейтунги, постепенное продвижение которых к Днестру зафиксировал Аммиан Марцеллин (Amm. Marc., XXXI, 3, 1-5).

Характер взаимоотношений Ольвии и племен черняховской культуры в Нижнебугском регионе в это время достаточно дискуссионный. Некоторые исследователи определяют Ольвию то как центр варварских племен [Магомедов, 2001, С. 20, 138; 2007, С. 47-54], то как одно из варварских поселений [Зубарь, Сон, 2007, С. 188-189]. Однако на основании исследований последних 20 лет, проведенных в Верхнем и Нижнем городе Ольвии, можно констатировать, что в планировке и строительной технике зданий конца 3 – 4 вв. н.э. сохраняются античные традиции. Интересно появление на последнем этапе жизни Ольвии новых улиц и площадей, а также существование двухэтажных домов. Материальная культура Ольвии в целом также остается античной

[Крапивина, 1993, С. 155-157; 2006, С. 180-188; Крыжицкий и др., 1999, С. 325-229]. Наличие же отдельных предметов, находимых в Ольвии и связываемых с черняховцами, свидетельствует только о наличии контактов между двумя обществами. Однако при этом каждое из них сохраняет свою специфическую структуру и тип хозяйственной деятельности [Крапивина, 1999, С. 96-99]. Вероятно, происходит некоторая торговая переориентация Ольвии, более важными становятся торговые связи с населением черняховских поселений, возрастает значение посреднической торговли. Ольвийские ремесленники, очевидно, работают в русле потребностей окружающих варваров, о чем свидетельствуют несколько выявленных металлообрабатывающих мастерских этого времени, а также гончарный горн [Крапивина, 2007, Р. 613]. Жизнь на месте Ольвии прекращается на рубеже третьей – четвертой четверти 4 в. н.э., практически на полстолетия раньше, чем на окружающих черняховских поселениях, что вряд ли было бы возможно, если бы Ольвия была их политическим, экономическим и культурным центром. Тем не менее, характер взаимодействия позднеантичной и варварской культур в регионе требует дальнейшего изучения.

Литература

- Гей О. А., 1986. О времени возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье // СА. № 1.
- Гороховский С. Л., Зубар В. М., Гаврилук Н. О., 1985. Про пізню дату деяких античних городищ ольвійської хори // Археологія. № 49.
- Гудкова А. В., 1987. Оседлое население Северо-Западного Причерноморья в первой половине I тыс. н.э. // Автореф. дисс. на соиск. уч. степени д. и. н. Киев.
- Гудкова А. В., Крапивина В. В., 1990. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры. Киев.
- Зубарь В. М., Сон Н. А., 2007. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Симферополь.
- Карышковский П. О., 1968. Из истории поздней Ольвии // ВДИ. № 1.
- Крапивина В. В., 1993. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев.
- Крапивина В. В., 1999. Нижне Побужжя в III-IV ст. н.э. (до історії взаємовідносин греків та варварів) // Україна-Греція: історична спадщина і перспективи співробітництва. Збірник наукових праць. Том I. Частина I. Маріуполь.

Крапивина В. В., 2006. О застройке Ольвии в конце III-IV вв. н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Окос. Материалы VII Боспорских чтений. Керчь.

Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М., 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.

Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В., Лейпунская Н. А., Скржинская М. В., Анохин В. А., 1999. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев.

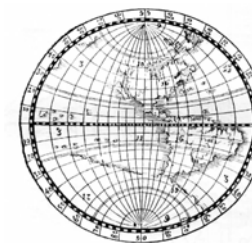
Лейпунская Н. А., 2006. Детское погребение III-IV вв. из Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Москва.

Магомедов Б. В., 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Магомедов Б. В., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Люблин.

Магомедов Б. В., 2007. Ольвія і варвари в пізньоантичний період // Археологія. № 4.

Krapivina V. V., 2007. Olbia Pontica in the III-IV centuries AD // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Oxford.

ДОИСТОРИЯ И ПОЧВОВЕДЕНИЕ

VORGESCHICHTE UND BODENKUNDE

Ю. Г. Чендев

Естественная и антропогенная эволюция серых лесных почв на территории лесостепи центра Восточной Европы*

История хозяйственного освоения почв и ландшафтов Центральной лесостепи Восточно-Европейской равнины насчитывает несколько тысячелетий. В сложной взаимосвязи исторические смены этнокультурных ландшафтов накладывались на естественные изменения природной среды, что отразилось на многостадийной, а иногда «запутанной» эволюции почв и растительного покрова региона. Неслучайно дискуссии по вопросам, касающимся происхождения лесостепи, взаимоотношения между лесной и степной растительностью, эволюции почв и почвенного покрова, соотношения в этой эволюции естественных и антропогенных факторов продолжают более столетия. Кратко рассмотрим лишь один из аспектов обширной проблемы эволюции лесостепных почв, а именно, вопрос о вкладе естественных изменений климата и хозяйственной деятельности в формирование и изменение серых лесных почв – одного из двух зональных типов почв лесостепи.

Согласно нашим представлениям, на территории лесостепи Белгородской, Воронежской и Харьковской областей современные ландшафты формируются на протяжении последних 3900 лет. Ранее на рассматриваемой территории господствовали ландшафты степной зоны, когда леса могли существовать только в отдельных балочных системах и местами в понижениях речной сети [Климанов, Серебрянная, 1986, С. 36;

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Проект № 09-05-97513-р_центр_а).

Александровский, Александровская, 2005, С. 106; Чендев, 2008, С. 31]. Современные ареалы серых лесных почв образовались в результате увлажнения климата, наблюдавшегося во второй половине суббореального и в субатлантическом периодах голоцена (конец среднего и поздний бронзовый век – последующее время). Леса начали разрастаться, выходя из балочных систем и речных долин на водоразделы. Этот процесс шел быстрее эволюционных преобразований почв на участках, занимаемых лесами. Формирование серых лесных почв на водоразделах связано с длительным процессом трансформации исходных степных черноземов под лесным типом растительности. По нашим расчетам, на занятых лесами степных участках, сложенных средними и тяжелыми суглинками (наиболее распространенными почвообразующими породами) процесс превращения черноземов в серые лесные почвы мог занять 1500-2500 лет (в среднем 2000 лет). Поэтому нами сделано предположение, согласно которому лесостепной ландшафт пережил две стадии развития почвенного покрова: начальную стадию гомогенного почвенного покрова с распространением на лугово-степных и широколиственно-лесных участках одного почвенного типа черноземов (3900-1900 л.н.) и стадию гетерогенного почвенного покрова с ареалами двух зональных типов почв: серых лесных почв под широколиственными лесами и черноземов под луговыми степями (последние 1900 лет истории формирования природной среды) [Чендев, 2008, С. 123]. Таким образом, на рассматриваемой территории под лесами нагорного и водораздельного типов в конце среднего и в позднем бронзовом, а также в начале раннего железного веков почвенный покров обладал лучшим потенциальным плодородием по сравнению с более поздним периодом, т.к. плодородие серых лесных почв ниже такового черноземов.

Хозяйственное освоение лесостепного ландшафта характеризовалось противоположной тенденцией изменения во времени почв и почвенного покрова лесных территорий. Деятельность человека, прежде всего, отразилась на состоянии растительного покрова. Есть основания полагать, что использование древесины населением Центральной лесостепи с нарастающей интенсивностью началось в раннем железном веке и продолжалось с периодическими перерывами вплоть до начала XX века. Выборочные рубки деревьев в лесах приводили к их осветлению, усилению роли трав в почвообразовательном процессе, что стимулировало возвратный процесс трансформации серых лесных почв в черноземы [Павленко, 1955, С. 283; Чендев, 2003, С. 142]. На полностью освобождаемых от лесов участках (вырубки на месте и в окрестностях поселений, искусственное формирование сенокосов и выгонов)

превращение серых лесных почв в черноземы могло происходить значительно быстрее, чем на участках искусственно осветляемых лесов [Ахтырцев, 1955, С. 10; Александровский, Александровская, 2005, С. 160]. Как показали проведенные нами исследования, в процессе непрерывного и экстенсивного земледельческого освоения (при невысоких дозах внесения на поля органических удобрений, что остается обычной практикой земледелия и в наши дни) серые лесные почвы Центральной лесостепи на ровных водораздельных поверхностях также испытывают эволюцию в почвы черноземного ряда, причем период указанной трансформации составляет около 200 лет [Чендев, 2008, С. 142].

Таким образом, на протяжении последних 2000 лет, вырубки лесов (сплошные и выборочные), а также распашка лесных земель приводили к сокращению ареала серых лесных почв и к расширению ареала черноземов. Данный процесс происходил в результате стихийного хозяйственного освоения лесостепного ландшафта. Главным механизмом антропогенной эволюции серых лесных почв в черноземы являлось изменение климатических режимов почв при смене густых лесов рассмотренными выше угодьями (осветленными лесами, сенокосами, выгонами, пашнями).

Эрозия нанесла большой урон плодородию склоновых почв, площадь которых на территории Среднерусской возвышенности достигает 50 % от общей площади почвенного покрова. В результате эрозии происходило формирование «скальпированных» серых лесных почв на крутых склонах и перекрытых наносами серых лесных почв в нижних частях склонов балок и речных долин. Например, к северо-востоку от участка «В» археологических раскопок поселения Войтенки (руководитель раскопок – М. В. Любичев) в нижней части склона балки Казачья нами были выявлены темно-серые лесные почвы, перекрытые двухслойным наносом, содержащим артефакты (керамику и остеологический материал) черняховской культуры, генетически связанные с вышележащем на балочном и приводораздельном склонах древним поселением. В период возникновения и существования поселения, в непосредственной близости от него – в днище и на склоне балки Казачья произрастал байрачный лес, о чем свидетельствуют почвы лесного генезиса, погребенные под делювиальными наносами. По нашему мнению, нижний нанос мощностью 20 см был образован в период функционирования поселения вследствие намыва материала с лежащих выше эродированных почв (вероятные факторы эрозии – вытаптывание жителями растительности на склонах и выпас здесь животных). После прекращения функционирования поселения наступил

длительный период запустения территории (V-XVII вв. н.э.), когда поверхность почв оказалась снова задернованной естественной растительностью и эрозионные процессы прекратились. В это время в матрице наноса шел почвообразовательный процесс, сформировавший темно-серый гумусовый горизонт с зернистой структурой. Верхний нанос мощностью 80 см, также содержащий артефакты черняховской культуры, по нашему мнению, был образован в современный период хозяйственного освоения территории (XVIII-XXI вв.) – во вторую фазу протекания наиболее интенсивной антропогенной эрозии. Верхний нанос имеет светло-серую окраску и на его поверхности (при участии мезофитного разнотравья) формируется маломощный (10-12 см) гумусовый горизонт, свидетельствующий о молодости почвообразования (несколько десятилетий). Насыщенность верхнего наноса черняховской керамикой доказывает имевшее место разрушение археологического памятника в течение последних столетий под влиянием склоновой эрозии.

Приведенные примеры говорят о существенной роли человека в изменении почв лесостепи в прошлые исторические периоды и в настоящее время. Сведения об антропогенных изменениях почв важны для уточнения наших представлений о взаимодействии общества и природы в разные исторические периоды, а также для разработки классификации антропогенно измененных почв.

Литература

Александровский А. Л., Александровская Е. И., 2005. Эволюция почв и географическая среда. Москва.

Ахтырцев Б. П., 1955. Изменение почв и их плодородия при смене растительности в типичной и южной лесостепи Воронежской области. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Воронеж.

Климанов В. А., Серебрянная Т. А., 1986. Изменения растительности и климата на Среднерусской возвышенности в голоцене // Известия АН СССР. Серия географическая. № 1.

Павленко И. А., 1955. Лесостепные почвы нагорных дубрав правобережья реки Ворсклы и их происхождение // Материалы по географии и генезису почв лесной зоны Европейской территории СССР. Москва.

Чендев Ю. Г., 2003. Тренды развития ландшафтов и почв Центральной лесостепи во второй половине голоцена // Проблемы эволюции почв: Материалы IV Всероссийской конф. Пушино.

Чендев Ю. Г., 2008. Эволюция лесостепных почв Среднерусской возвышенности в голоцене. Москва.

R. Faflak

XRF Sediment Analysis at Voytenki Archaeological Site, Ukraine

Abstract

A stratigraphic soil profile at the archaeological site near Voitenki, Ukraine ca. 1800 – 1500 BP, was analyzed by x-ray fluorescence (XRF) for element distribution in order to identify the cultural horizon. The results indicated that the cultural level had a strong association with the element sodium (Na). In addition, the stratigraphy immediately below the cultural level, and that in the upper portion of the cultural level were enriched in titanium (Ti), chlorine (Cl), and iron (Fe). These elements are associated with aeolian dust deposition, and imply an arid period, the upper zone corresponding with a time near the end of the Chernyachov cultural habitation.

Introduction

The archaeological site near the village of Voytenki, Ukraine is a late Roman period habitation complex of the Chernyachov culture dating from the 3rd - 5th century AD (1800 – 1500 BP). This study attempted to determine if the cultural horizon at the site could be distinguished by analysis of sediments collected from a stratigraphic profile.

Methodology

A two meter deep stratigraphic column from an excavation unit was visually examined and measured. The measured units consisted of topsoil (0 – 28 cm); a cultural level (20 – 65 cm); a former soil or paleosol (65 – 110 cm); and loess (110 – 200 cm) to the base of the exposed profile. Seven 200 g. sediment samples were collected at depths of 15 cm; 28 cm; 40 cm; 60 cm; 90 cm; 122 cm; and 175 cm.

The samples were analyzed by x-ray fluorescence (XRF) to determine element composition. A Rigaku wavelength dispersive x-ray fluorescence spectrometer (WDXRF), model primini with Rh target 50W (40kV, 1.25 mA) was used. The identified percentage element composition is presented in Table 1.

Discussion

The Chernyachov culture at Voytenki was in existence for approximately 300 years. During such a long occupation, the cultural living surface can gain or lose certain chemical elements simply from human and animal activity. Olsen [2009], reported on residual traces of sodium (Na) and phosphorus (P) at a Copper Age habitation site where horses were herded and utilized. Sodium was found in the cultural level at Voytenki, but nowhere else in the stratigraphic profile. Phosphorus appeared in the cultural level as well, but was also present in the four sample zones immediately above, although at decreasing concentrations, except for the topsoil which had the highest percentage. Perhaps this might be a relict from fertilizer contamination. Magesium (Mg) and calcium (Ca) were also present in the cultural horizon with slightly higher percentages, although they were both within or very close to one standard deviation. Thus, it appears that the presence of sodium may be a significant cultural horizon marker at the site.

Several recent studies have linked titanium (Ti) with wind-blown dust [Mason and Jacob, 1998; Cook, et al., 2009]. Reynolds et al. [2005] attributed titanium bearing magnetite in aeolian dust as a contributor of iron (Fe). Fine dust also appears to attract chlorine (Cl), perhaps in the form of amorphous calcium chloride (CaCl₂) [Sullivan, et al., 2007; Yukata, et al., 2009]. Titanium and chlorine were found below the cultural horizon, and in the upper portion of the cultural horizon, but nowhere else, indicating a likely aeolian origin.

Among numerous studies on climate, Gerasimenko [1997] and Keenan [1999] stated that south eastern Ukraine experienced rapid aridity and deforestation between 4000 – 3700 BP. Perhaps the layer immediately below the cultural horizon reflects this episode. Viou, et al., [2002] in their studies of North American climate variability state that one of a series of climatic cooling trends started at about 2800 BP and continued until about 1650 BP, at which time the climate began a widespread warming episode until reaching a maximum at approximately 1000 BP during the Medieval Warm Period. 1650 BP corresponds nearly with the middle of the Chernyachov culture. Is it possible that the sediments in the upper portion of the cultural horizon reflect warmer, more arid, and dustier conditions which ultimately led to the collapse of the culture?

Conclisions

The element sodium in the sediment samples appears to be the most positive indicator for identification of the cultural horizon at Voytenki. The elements titanium and chlorine in combination, and to a lesser extent iron, strongly indicate an aeolian origin for dust. The aeolian dust below the

cultural horizon, and within the upper portion of the cultural level implies a climatic event to more arid conditions. Whether arid conditions led to demise of the Chernyachov culture is conjecture at this time. Further study is necessary to fully resolve this issue, and to establish whether it is on a local, regional, or larger scale.

References cited

Cook L. L., McGonigle T. P., Inouye R. S., 2007. Titanium as an Indicator of Residual Soil on Arid-Land Plants. // J. Environ. Qual. № 38.

Gerasimenko N. P., 1997 // Third Millenium BC Climate Change and Old World Collapse. H. N. Dalfes, G. Kukla, H. Weiss (eds.), pp. 371-399 (NATO ASI Series, Springer-Verlag).

Keenan D. J., 1999. The Three Century Climatic Upheaval of c. 2000 BC, and Regional Radiocarbon Disparities [http://freespace.virgin.net/doug.keenan].

Mason J. A., Jacobs P. M., 1998. Chemical and Particle Size Evidence for Addition of Fine Dust to Soils of Midwestern United States // Geology. № 26.

Olsen S., 2009. Finding the First Horse Whisperers. Carnegie Museum of Natural History. [http://www.livescience.com/animals/091127-bts-olsen-wild-horses-botai.html].

Reynolds R., et al., 2006. Atmospheric Dust in Modern Soil on Aeolian Sandstone, Colorado Plateau (USA): Variation With Landscape Position and Contribution to Potential Plant Nutrients. // Geoderma. № 130.

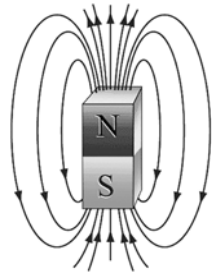
Sullivan R. C., et al., 2007. Mineral Dust is a Sink for Chlorine in the Marine Boundary Layer. // Atmospheric Environment. № 41.

Viau, A. E., et al., 2002. Widespread Evidence of 1500 yr Climate Variability in North America During the Past 14 000 yr. // Geology. № 30.

Yutaka T., et al., 2009. Hygroscopic Mineral Dust Particles as Influenced by Chlorine Chemistry in the Marine Atmosphere. Geophysical Research Letters, 36: 05817.1-L05817.5.

Table 1. XRF analysis of sediments from site profile

Sample Soil Depth (cm)	Si	Ca	Al	Mg	Fe	K	Zr	Na	Ti	Cl	S	P	Description	Comments
15	57.3	11.8	9.96	1.9	10.1	7.01	0.261	0	0	0	0.212	1.42	Topsoil	Plow Zone
28	55	13.9	9.86	1.71	10.4	6.31	0.196	0	1.34	0.05	0.173	1.06	Upper-Portion Cultural Level	Wind Blown Sediment
40 - 45	56	13.6	10.3	1.81	10.1	6.78	0.224	0	0	0	0.122	1.02	Mid-portion Cultural Level	
60 - 62	54.4	14.3	10.2	2.08	10.2	6.54	0.200	0.694	0	0	0.161	1.20	Lower-Portion Cultural Level	Occupation Level
90-92	56	10.3	10.7	1.96	11.3	7.3	0.244	0	1.76	0.07	0.260	0	Mid-Portion Paleosol	Wind Blown Sediment
122 - 125	51.1	19.2	10.4	2.01	10.1	6.75	0.208	0	0	0	0.103	0	Loess	Sterile
175 - 180	52	17.1	11.1	1.8	11.5	6.23	0.199	0	0	0	0	0	Loess	Sterile
Mean	54.5	14.3	10.36	1.90	10.5	6.70	0.219				0.147			
Standard Deviation	2.25	3.0	0.43	0.13	0.61	0.38	0.025				0.083			

ГЕОМАГНИТНАЯ СЪЕМКА В ИССЛЕДОВАНИИ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ – ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

GEOMAGNETISCHE PROSPEKTION BEI DER UNTERSUCHUNG DER DENKMÄLER DER SPÄTEN RÖMISCHEN KAISERZEIT UND VÖLKERWANDERUNGSZEIT

К. М. Бондарь

Современные магнитные исследования археологических памятников в Украине

Магнитные исследования трипольских поселений, выполненные в 1960-х гг. украинскими учеными однозначно доказали высокую археологическую информативность метода и положили начало масштабным съемкам археологических памятников. На сегодняшний день в мире магниторазаведка стала основным инструментом неразрушающих археологических исследований. К сожалению, в нашей стране в последнее десятилетие такие работы немногочисленны и проводятся преимущественно иностранными специалистами.

Российскими археологами и геофизиками активно изучаются античные памятники в Восточном Крыму. Немецкими геофизиками из компании Eastern atlas Geophysicalische Prospection в 2002-2006 гг. выполнено геофизическое обследование объектов скифской культуры на Бельском городище и в его округе. Немецкими специалистами из Рур-Университета (г. Бохум) проводилась магнитная съемка памятника поздне римского времени Войтенки (Валковский р-н Харьковской обл.).

Британскими геофизиками из Даремского университета в августе 2009 г. выполнена градиентометрия трипольского поселения Небеловка близ Новоархангельска (Кировоградская обл.).

Среди украинских исследователей можно выделить группу под рук. д-ра геол. наук М. И. Орлюка (Институт геофизики им. Субботина НАН Украины), которая по инициативе научного сотрудника Института археологии НАН Украины М. Н. Дараган проводила магнитные исследования на Хотовском городище скифской эпохи, а также по инициативе руководителя общества Коло-Ра О.В. Трачука – магнитную съемку участка Репница-1 возле Ржищева (Киевская обл.), где ранее были выявлены памятники черняховского и трипольского горизонтов. Группа М. И. Орлюка также участвовала в исследовании Бельского городища и его окрестностей совместно с немецкими геофизиками.

Рабочей группой Киевского национального университета имени Тараса Шевченко с 2005 г. проводятся геофизические исследования направленные на обнаружение археологических объектов, а также опытно-методические работы по усовершенствованию археометрической технологии. Нашими специалистами разработано оригинальное программное обеспечение для обработки и интерпретации полевых магнитометрических измерений. Съемка ведется квантовыми (цезиевыми) магнитометрами как собственного так и серийного производства. Имеющаяся аппаратура позволяет изучать индукцию магнитного поля с высокой детальностью (15 x 50 см). Разрешающая способность датчиков – 0,01 нТл. Точность съемки при этом не хуже чем 0,5 нТл. Производительность одной магниторазведочной бригады – до 1 га в день. За последние годы нами проводились измерения на 14 различных памятниках как в Украине, так и за рубежом. Среди исследованных объектов: Бельское городище, памятники Малополовецкого археологического комплекса (Киевская обл.), Эшерское городище античной эпохи в Абхазии, раннескифские городища Жаботин (Киевская обл.) и Немиров (Винницкая обл.), могильники черняховской культуры Червоне (Киевская обл.) и Легедзине (Черкасская обл.), раннеславянское поселение Обухов-2 (Киевская обл.) и др. Результаты измерений на поселении Войтенки вошли в виде отдельной заметки в настоящий сборник.

В целом следует признать, что при наличии в Украине передовых технологий, современной аппаратуры и специалистов, магнитные исследования на археологических памятниках ведутся в явно недостаточном объеме, тогда как за рубежом они являются обязательным элементом в комплексе археологических методов.

С. В. Диденко, И. В. Виршило

**Использование металлодетектора в археологических исследованиях – некоторые проблемы и пути их решения
(на примере исследований многослойного поселения Малополовецкое 2-А)**

В последнее время активно развиваются исследования археологических памятников при помощи дистанционных, в том числе геофизических, методов. С 2006 г. совместным коллективом геологического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (К. М. Бондарь, И. В. Виршило, С. А. Попов, Р. В. Хоменко, А. В. Сухорада), Института археологии НАН Украины (С. Д. Лысенко) и Национального музея истории Украины (С. В. Диденко) проводятся магнитометрические исследования многослойного поселения Малополовецкое-2А Фастовского р-на Киевской обл. [Лысенко, Бондарь, Виршило, Попов, Диденко, 2008, С. 52–54; Бондарь, Виршило, Лысенко, 2007; Бондарь, Виршило, Лысенко, Диденко, 2008; Бондарь, Сухорада, Виршило, Лысенко, Хоменко, Гордієнко, 2006, С. 227-228]. При этом, с целью повышения качества магнитометрических исследований на участках, проводятся предварительные работы по очистке территорий от металлического мусора с применением металлодетектора. В течение трех полевых сезонов на территории поселения площадью 5 га было собрано около 30 кг металлолома. Однако вследствие сильного разрушения культурного слоя вспашкой, в пахотном слое памятника концентрировалось значительное количество археологических находок из черняховского (3-4 вв.) и средневекового (12-13 вв.) слоев. Перед авторами исследований встала проблема фиксации обнаруженных в пахотном слое артефактов с целью определения их пространственной корреляции с данными геофизических работ и результатами археологических раскопок. Для реализации этой цели был решен ряд следующих задач: разработка новой методики археолого-геофизических работ, включающая пространственную фикса-

цию археологических находок из пахотного слоя; создание базы данных с пространственной и археологической атрибуцией находок; картографическое представление и геостатистический анализ данных о находках с целью выявления пространственных закономерностей их распределения.

Большинство археологических памятников поселенческого типа расположено в наиболее пригодных для земледелия географическо-ландшафтных зонах. Активная аграрная деятельность на территории Украины обусловила расширение посевных площадей и, как следствие, интенсивное распаивание многочисленных памятников археологии. В результате на многих из них, в том числе и на поселении Малополовецкое 2-А, наблюдается частичное или полное разрушение культурного слоя вспашкой. Вещи, выпавшие из культурного слоя в процессе вспашки и обнаруживаемые на поверхности грунта, в археологии принято называть подъемным материалом [Авдусин, 1980, С. 66-67]. Именно благодаря наличию подъемного материала локализируются археологические памятники при археологических разведках, устанавливается их время существования и границы. Скопления подъемного материала маркируют местонахождение комплексов или объектов на памятнике. Однако большинство выпавших из культурного слоя артефактов концентрируется в толще пахотного слоя. Визуально они не фиксируются, но по сути несут ту же информационную нагрузку, что и подъемный материал, переходя в эту категорию при периодическом выпадении на поверхность.

Концентрация в пахотном слое выпавших из культурного слоя вещей в зависимости от глубины вспашки может быть достаточно высока. Поэтому в процессе работы по очистке территории археологического памятника от современного металлического мусора неизбежно и нахождение древних артефактов. Вещи из культурного слоя, попавшие в пахотный слой, теряют свой изначальный контекст. Они могут быть разнесены плугом на значительное расстояние от содержащих их комплексов, что не позволяет уверенно относить эту категорию находок к ближайшим расположенным в культурном слое археологическим объектам. Но, как правило, большинство вещей из пахотного слоя все же концентрируются в ареале тех археологических комплексов, из которых они происходили. Поэтому непременным условием работы с металлодетектором на любом археологическом памятнике является подробнейшая фиксация места находки каждой найденной в пахотном слое вещи при помощи тахеометров или GPS-навигаторов разного класса.

Основным объектом металлопоиска является верхняя часть грунтового разреза (в среднем от 0,05 до 0,4 м), представляющая собой

современный гумусовый горизонт или пахотный слой, частично или полностью нарушающий потенциально археологические культурные напластования. Главной задачей металлопоиска при подготовке участка для магнитометрической съемки является фиксация и дальнейшее извлечение всех металлических магнитных предметов (чаще всего железных), способных создавать локальные магнитные аномалии. Для решения этой задачи целесообразно использовать поиск по сети регулярно расположенных полос, на которые разбивается исследуемый участок. Ширина полосы определяется максимальным отклонением поисковой катушки металлодетектора от маршрута оператора (в среднем 1,5 м).

При обнаружении каждого древнего металлического изделия на территории поселения Малополовецкое 2-А проводились следующие, необходимые для фиксации, процедуры: фиксация места находки при помощи GPS-навигатора; составление индивидуального полевого паспорта с указаниями названия памятника, года исследований, наименованием находки, предварительной датировкой, уровнем залегания в грунте и номером точки места находки по GPS-навигатору. Каждая находка помещалась в отдельную упаковку вместе с полевым паспортом, куда впоследствии заносился порядковый номер полевой описи.

По результатам камеральной обработки находок и полевой описи составлен электронный каталог в формате атрибутивной таблицы Microsoft Access из соображений совместимости с ГИС ArcGIS. При разработке атрибутивной таблицы было выделено несколько классификационных (маркирующих) атрибутов: культурная принадлежность, датировка, назначение, тип предмета, тип металла. Внедрение маркирующих атрибутов решило задачу многомерной классификации. Селекция записей по классификаторам осуществлялась средствами ГИС, позволяющими быстро проводить построение наборов тематических карт или схем. Наличие индивидуальных спутниковых координат для каждой металлической находки из пахотного слоя поселения Малополовецкое 2-А позволило составить карту их распределения по территории памятника с возможностью привязки этих артефактов к системе квадратов в процессе дальнейших археологических раскопок.

Таким образом, опыт предварительных исследований с применением металлодетектора и использованием новейших ГИС-технологий на поселении Малополовецкое 2-А открывает новые перспективы в изучении памятников археологии. К таковым относятся: значительное повышение информативности разведывательной стадии изучения археологического памятника; уточнение даты памятника по найденным в пахотном слое вещам-хроноиндикаторам; прогнозирование характера

памятника или отдельных его составляющих; определение границ и последовательности археологических раскопок а также приоритетности геофизических работ на памятнике путем анализа насыщенности и пространственного разделения различных категорий находок; получение дополнительных данных для дальнейших исследований. Полученная информация является топографически привязанной, что позволяет с определенными допусками использовать ее для характеристики верхнего слоя исследуемого памятника и сопоставления с объектами из раскопанных участков. Впоследствии с привлечением данных геофизики формируется подробное представление о площади поселения, густоте его заселенности, планировке. Научно-познавательные возможности, открывающиеся при изучении находок из пахотного слоя, позволяют ответить на ряд вопросов еще до проведения раскопок памятника.

Литература

Авдусин Д. А., 1980. Полевая археология СССР. Москва.

Лысенко С. Д., Бондарь К. М., Виршило И. В., Попов С. А., Диденко С. В., 2008. Комплексные археологические и магнитометрические исследования поселения Малополовецкое-2А в 2007 г. // Археологічні відкриття в Україні 2007-2008 рр. Вип. 8. Київ.

Бондарь К. М., Виршило И. В., Лысенко С. Д., 2007. Магнитное моделирование участков поселения эпохи бронзы Малополовецкое-2А: некоторые результаты и прогноз [Электронное издание] // Археология и геоинформатика. Вып. 4. Москва.

Бондарь К. М., Виршило И. В., Лысенко С. Д., Диденко С. В., 2008. Что скрывается под магнитными аномалиями? Итоги работ на поселении Малополовецкое-2А в 2007 г. [Электронное издание] // Археология и геоинформатика. Вып. 5. Москва.

Бондарь К. М., Сухорада А. В., Виршило И. В., Лысенко С. Д., Хоменко Р. В., Гордієнко Т. Р., 2006. Магнітна модель поселення бронзової доби Малополовцьке-2А // Матеріали Всеукраїнської наукової конференції «Моніторинг небезпечних геологічних процесів та екологічного стану середовища». Київ.

Э. Шультце, М. Любичев, К. Мызгин

Геомагнитная съемка участков поселения позднееримского времени Войтенки I и её апробация археологическими исследованиями 2005-2009 гг.

Весной 2005 г. по инициативе сотрудника Евроазиатского отделения Немецкого археологического института доктора Э. Шультце группой немецких ученых из Рур-Бохум-Университета (доктор Б. Зонг, техники-измерители У. Копривс, К. Малек), совместно с Германно-Славянской археологической экспедицией Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина проводилась геомагнитная съемка участков поселения позднееримского времени Войтенки I. Для измерений были выбраны участки А и В поселения, на которых до этого уже проводились небольшие раскопки: на участке А была вскрыта площадь 77 кв.м, изучен гончарный горн и сооружение 1, а на участке В исследована площадь 832 кв. м, изучены наземная постройка 1 и углубленное сооружение 1.

Перед началом геомагнитной съемки сотрудниками «Укрэнерго-сетьпроект» В. Д. Овчаренко и В. В. Мызгиным был составлен подробный геодезический план местности, с разбивкой территории, которая подвергалась исследованию, на квадраты размерами 20 x 20 м, и привязкой к нулевым реперам участков. Эти квадраты получили название «парцелл» (в отличии от «секторов» (10 x 10 м) на могильнике), каждой из которой было присвоено латинское буквенное обозначение.

Геомагнитные исследования проводились феррозондным градиентометром Grad601-1 производства Bartington Instruments, который измеряет градиент вертикальной составляющей вектора геомагнитной индукции. Разрешающая способность датчиков градиентометра составляет 0,1 нТл, при измерениях они разнесены на вертикальное расстояние 1 м. Результаты съемки представлены в виде карт локальных аномалий градиента магнитной индукции. Карты аномалий раскрашены в оттенках серого цвета: чем насыщеннее оттенок, тем аномалия интенсивнее. Предполагается, что часть подобных аномалий имеет археологическое происхождение.

С целью проверки результативности съемки летом 2005 г. на участке А на месте аномалий были заложены две поисковых траншеи. Если в траншее 2 (20 кв.м) аномалия не нашла своего археологического подтверждения, то в траншее 1 (52 кв.м), напротив, аномалия соответствовала археологическому объекту. Им оказался очаг 1, представлявший собой глиняную площадку, с вмязанными в неё фрагментами гончарной керамики.

С 2007 г. по сегодняшний день масштабные работы на памятнике проводятся в границах размеченных парцелл только на участке А. Это позволяет сравнить результаты геомагнитной съемки с реальной археологической картиной. В течении 2007-2009 гг. исследованы парцеллы А, В, D и Е (1080 кв. м). Всего на участке А за период с 2004 по 2009 гг. исследовано 1349 кв. м.

Далее рассмотрим степень совмещения геомагнитных аномалий с реальной картиной, полученной в ходе археологических исследований. Под полным совпадением понимается полное совмещение аномальных участков геомагнитной съемки с реальными археологическими объектами, под частичным – частичное совмещение или расположение рядом с аномалией. Последнее может объясняться погрешностью при проведении самой съемки и последующей обработке данных.

Совмещение раскопок 2005-2006 гг. с данными геомагнитной съемки показывает полное совпадение аномалий на парцелле F (очаг 2) и парцелле G (углубленное сооружение 2).

На парцелле А исследовано восемь сооружений (наземные сооружения 3-9, углубленное сооружение 4) и шесть хозяйственных ям. Из них аномалиям полностью соответствуют сооружения 3 и 4, частично – сооружения 8, 9 и яма 1.

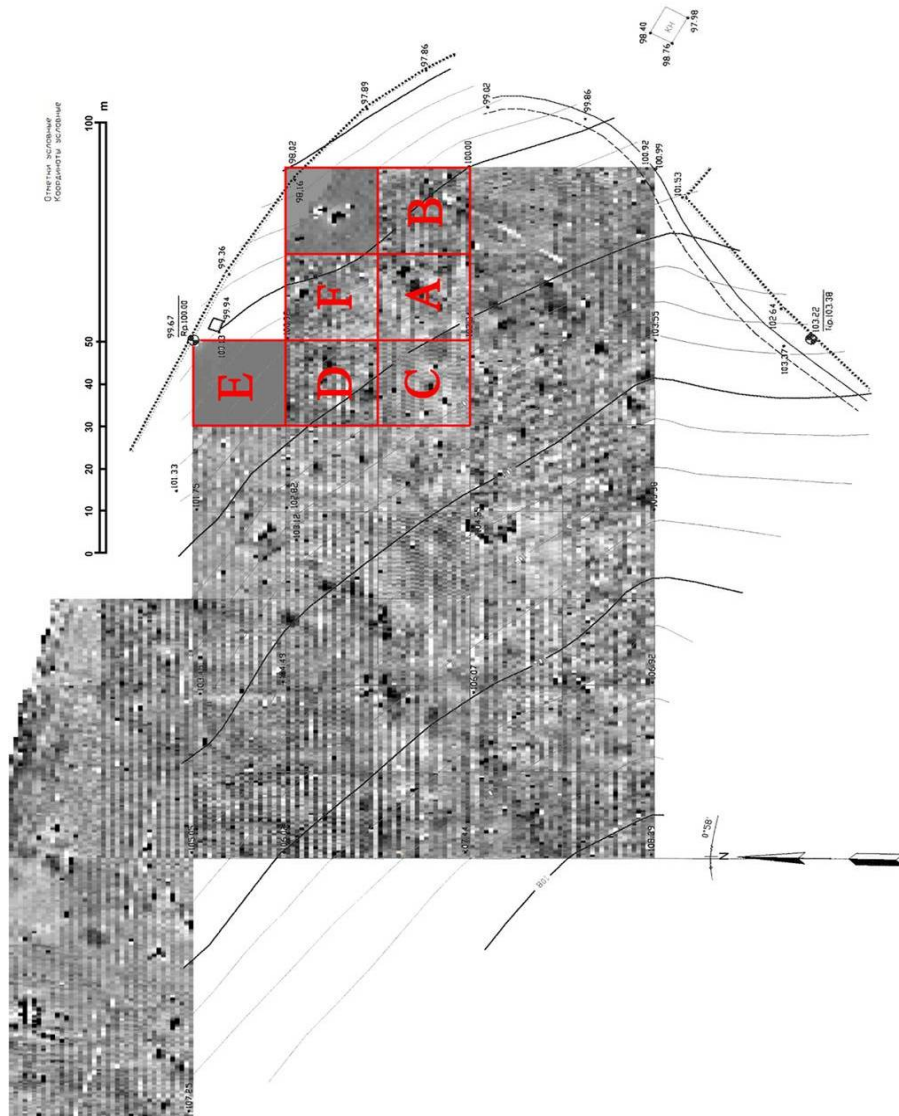
В парцелле В исследовано два сооружения (наземное сооружение 20 и углубленное сооружение 21), а также четыре хозяйственных ямы. Аномалиям полностью соответствуют яма 2 и яма 3, частично – сооружение 20.

На парцелле D изучено семь сооружений (наземные сооружения 14, 18, 19, углубленные сооружения 11, 12, 16, 17), а также ряд ям и развалов сосудов, относящихся к позднему этапу бондарихинской культуры. Своё полное соответствие аномалиям продемонстрировали сооружения 14 и 17 (связанные между собой), некоторые ямы и развалы бронзового века. Частичное совмещение наблюдалось возле сооружения 18.

Парцелла Е не подвергалась геомагнитной съемке, так как через неё в 2005 г. проходила дорога и, кроме того, часть её была изучена в ходе раскопок 2004-2005 гг. То есть в разное время здесь были изучены углубленные сооружения 1 и 10.

Таким образом, археологическое подтверждение получали объекты, содержавшие либо пережженный грунт (сооружение 2, 4, 21), либо крупные скопления глиняной обмазки (сооружения 3, 8, 9, 14, 17) или керамики (развалы сосудов бронзового века), либо объекты, имеющие все компоненты сразу (очаг 1 и 2).

Рис. 1. Карта локальных аномалий на участке А поселения Войтенки I.

К. М. Бондарь, Н. А. Соловьев, С. В. Диденко

Магнитная съемка поселения позднеримского времени Войтенки в 2010 г.

О структуре и границах археологического памятника поселенческого типа достоверно можно судить по локализации геофизических аномалий непосредственно связанных с археологическими объектами. Из всех геофизических методов наиболее успешно в археологии применяется магнитометрия [Кошелев, 2004]. Современные методы магнитометрических исследований характеризуются высокой точностью и производительностью [Becker H., Fassbinder J., etc., 2001]. Существует несколько видов археологической магнитометрии, среди которых наиболее детальным и экспрессным признан метод измерения модуля индукции магнитного поля в движении, при помощи квантовых магнитометров с оптической накачкой [Aspinall A., Gaffney C., Schmidt A., 2008]. Именно таким методом в сентябре 2010 г. рабочей группой Киевского национального университета имени Тараса Шевченко была выполнена магнитная съемка участка Б поселения позднеримского времени Войтенки.

Методика работ.

Магнитометрическая съемка выполнена двухсенсорной установкой на базе цезиевых магнитометров ПКМ-1 (Геологоразведка, РФ). Измерялась индукция геомагнитного поля (В), разрешающая способность датчиков – 0,01 нТл. Расстояние между профилями съемки 0,5 м, шаг по профилю в режиме автоматических измерений (10 измерений в секунду) составляет в среднем 15 см. Измерения выполнялись в движении.

Общая площадь исследованной территории составила 2,48 га.

При обработке полевой магнитометрической информации локальная составляющая магнитного поля рассчитывалась как разностное значение между измеренной магнитной индукцией и сплайн-аппроксимацией по профилю.

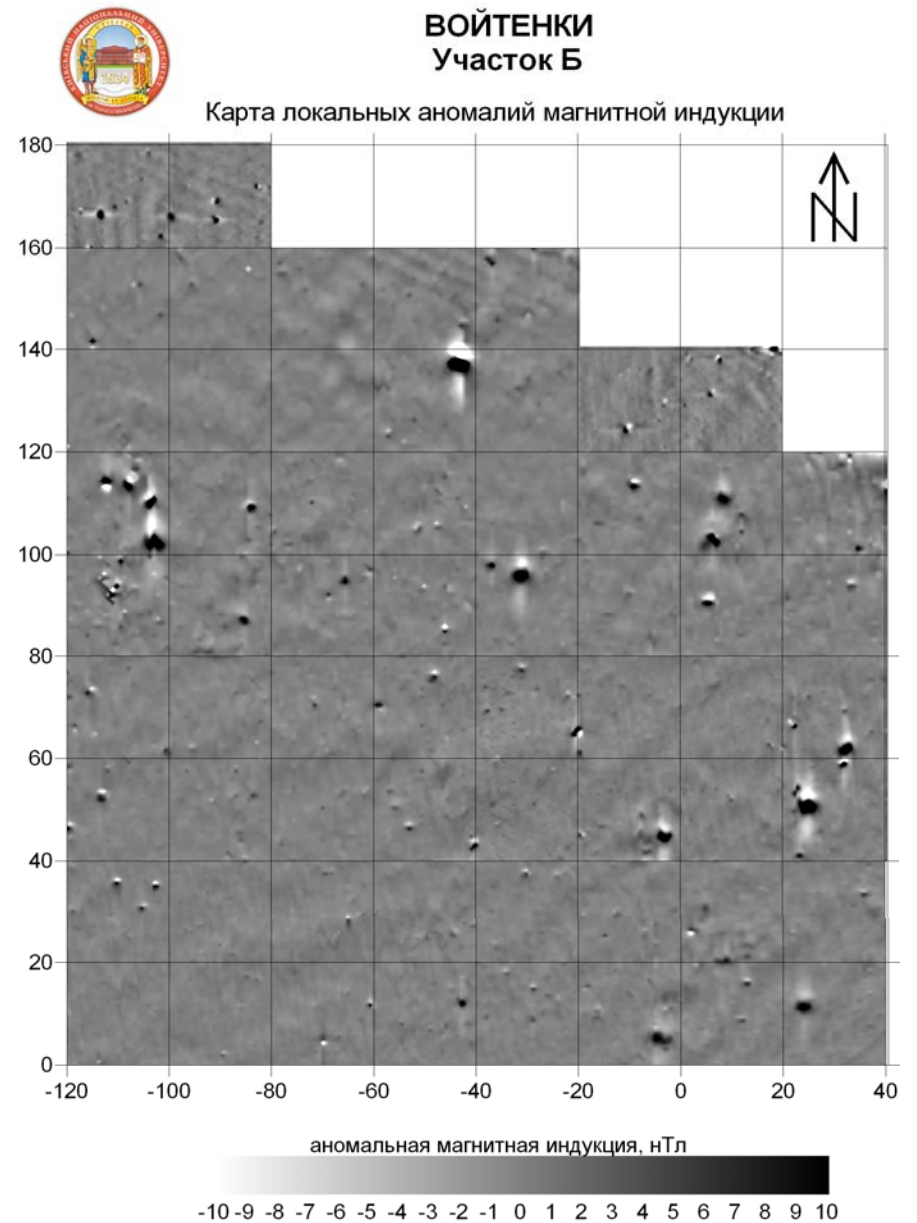
В результате была получена карта локальных аномалий магнитной индукции (Рис. 1), динамика изменений выражена в оттенках серого цвета +/-10нТл, аномалии превышающие +10нТл, окрашены в черный цвет.

Интерпретация.

Анализируя карту локальных аномалий магнитной индукции участка Б поселения Войтенки, легко заметить больше десятка интенсивных знакопеременных аномалий с отрицательной частью, находящейся на севере. Такие аномалии формируются над горнами и печами. Учитывая то, что некоторые аномалии образуют группы, а некоторые имеют внушительные размеры, можем предположить существование на данной территории древних производственных комплексов. Описанные аномалии следует рекомендовать к раскопкам в первую очередь.

Литература

- Кошелев И. М., 2004. Магнітна розвідка археологічних пам'яток. Київ.
 Becker H., Fassbinder J. Hemmeter K., Fassbinder J., Irlinger W., Petzet M., Ziesemer J., ed., 2001. Magnetic prospecting in archaeological sites. Vol. 6. Lipp Verlag. München.
 Aspinall A., Gaffney C., Schmidt A., 2008. Magnetometry for archaeologists. Conyer L. B. and Kvamme K. L. (eds.). Altamira Press. 2008.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЛЛУ* – Археологічний Літопис Лівобережної України. Полтава.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь-Керчь.
ВДИ – Вестник древней истории. Москва.
Записки НТШ – Записки Наукового товариства імені Тараса Шевченка. Львів.
ЗОАО – Записки Одесского археологического общества. Одесса.
КЗ (Записки) ВУАК – Короткі звіти (Записки) Всеукраїнської археологічної комісії. Київ.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. Москва.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МДАПВ – Матеріали і дослідження по археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МИА Юга России – Материалы и исследования по археологии Юга России. Ростов-на-Дону.
МИАДЛ – Материалы и исследования по археологии Днепроовского Левобережья. Курск.
НА ІА НАНУ – Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України. Київ.
ПИСПАЭ – Проблемы истории Северного Причерноморья античной эпохи. Москва.
СА – Советская археология. Москва.
САИ – Свод археологических источников. Москва.
ХАС – Харьковский археологический сборник. Харьков.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Акимов Денис Валерьевич* – Воронеж (Россия), кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Воронежского государственного университета. *E-mail: denisakimov@rambler.ru*
- Бондарь Ксения Михайловна* – Киев (Украина), кандидат геологических наук, научный сотрудник Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. *E-mail: ks_bondar@ukr.net.*
- Вахонеев Виктор Васильевич* – Киев (Украина), младший научный сотрудник Департамента подводного наследия Института археологии НАНУ. *E-mail: vvvkerch@mail.ru*
- Вирило Иван Викторович* – Киев (Украина), кандидат геологических наук, доцент кафедры геоинформатики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. *E-mail: ivvir@univ.kiev.ua*
- Гопкало Оксана Викторовна* – Киев (Украина), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии ранних славян Института археологии НАНУ. *E-mail: hopkalo@rambler.ru*
- Диденко Сергей Васильевич* – Киев (Украина), старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела археологических фондов Национального музея истории Украины. *E-mail: svdidenko@yandex.ru*
- Зиньковская Ирина Владимировна* – Воронеж (Россия), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов исторического ф-та Воронежского государственного университета. *E-mail: АРМ1950@yandex.ru*
- Крапивина Валентина Владимировна* – Киев (Украина), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела античной археологии Института археологии НАНУ. *E-mail: krapivin@svitonline.com*
- Любичев Михаил Васильевич* – Харьков (Украина), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, заведующий Научно-исследовательской лабораторией Германно-Славянской археологической экспедиции. *E-mail: gsae@mail.ru*

Мызгин Кирилл Валерьевич – Харьков (Украина), кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, заместитель начальника Германо-Славянской археологической экспедиции. *E-mail: myzgin@mail.ru*

Радюш Олег Александрович – Москва (Россия), сотрудник отдела охранных раскопок Института археологии РАН.

E-mail: radegost@rambler.ru

Строценъ Богдан Степанович – Тернополь (Украина), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии ранних славян Института археологии НАНУ, директор ДП «ОАСУ Подільська археологія». *E-mail: cherleniv@gmail.com*

Соловьев Николай Анатольевич – Киев (Украина), командир отделения Государственного предприятия «Мобильный спасательный центр» МЧС Украины.

Тилищак Владимир Семенович – Киев (Украина), младший научный сотрудник отдела археологии ранних славян Института археологии НАНУ. *E-mail: tylischak@bigmir.net*

Фафлак Ричард – Аль-Амин (ОАЭ), доктор, факультет географии университета ОАЭ. *E-mail: rfaflak@uaeu.ac.ae*

Чендев Юрий Георгиевич – Белгород (Россия), доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии и геоэкологии геолого-географического факультета Белгородского государственного университета. *E-mail: Chendev@bsu.edu.ru*

Шульце Эрдмута – Берлин (ФРГ), доктор, сотрудник Евроазиатского отделения Немецкого археологического института. *E-mail: ers@eurasien.dainst.de*

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Наукове видання

**ДОІСТОРІЯ СХІДНОЇ ЄВРОПИ
ПІЗНЬОРИМСЬКОГО ЧАСУ – НА ПОЧАТКУ ЕПОХИ
ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕННЯ НАРОДІВ**

(матеріали польових семінарів біля с. Війтенки 2009, 2010 рр.)
Ostrogothica-Serie (Hefte)
(Рос., нім., англ., укр. мовами)

Вип. 1

Відповідальний за випуск *Посохов С. І.*
Відповідальний редактор *Мизгін К. В.*
Комп'ютерна верстка *Савінкова В. В.*

Формат 60x84/16. Ум. друк. арк. 3,92. Тираж 300 пр. Зам. № 175/11.

Видавець і виготовлювач
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
61077, м. Харків, пл. Свободи, 4.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13.01.2009

Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна.
Тел. 705-24-32